A 241/197

А 241/197

КНЯЗЬ
ФЕДОРЪ-ЛЮБАРТЪ ОЛЬГЕРДОВИЧЪ
и
РОДСТВЕННЫЯ СВЯЗИ РУССКИХЪ КНЯЗЕЙ
СЪ УГОРСКИМЪ ДОМОМЪ.

А. В. Лонгинова.

ВИЛЬНА.
Типографія А. Г. Сыркина, Большая ул., собств. д., № 88.
1893.

КНЯЗЬ

ФЕДОРЪ-ЛЮБАРТЪ ОЛЬГЕРДОВИЧЪ

и

РОДСТВЕННЫЯ СВЯЗИ РУССКИХЪ КНЯЗЕЙ

СЪ УГОРСКИМЪ ДОМОМЪ.

А. В. Лонгинова.

ИМПЕРАТОРСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА

ВИЛЬНА.

Типографія А. Г. Сыркина, Большая ул., собств. д., № 88.

1893.

Печатано по распоряженію заступающаго мѣсто предсѣдателя Виленскаго Отдѣленія Московскаго предварительнаго комитета по устройству въ Вильнѣ IX археологическаго Съѣзда, д. с. с. *Ю. Ѳ. Кравковскаго.*

2007059091

Князь Федоръ-Любартъ Ольгердовичъ и его потомки князья Сангушки.

(Генеалогическое изслѣдованіе).

Авторъ капитальнаго труда подъ заглавіемъ „Rod Gedimina“ Іосифъ Вольфъ, заканчивая свое изслѣдованіе о потомкахъ князя Федора Ольгердовича, между прочимъ говоритъ: „Еще въ началѣ XVII в. не заглохло ложное преданіе о происхожденіи князей Сангушковъ отъ Любарта. Стрыйковскій, слѣдуя за хроникой Быховца, выводитъ ихъ отъ шестого Ольгердова сына Федора Сангушко. Такого же мнѣнія держится Папроцкій. Въ XVI и даже въ началѣ XVII в. Сангушки являются Ольгердовичами. Такъ надъ могилой князя Дмитрія Сангушки въ Яромірѣ (въ Чехіи)+1554 г. значится, что онъ родомъ „ex magnifica *Olgerdorum* familia“. Въ акты гродскіе Владимірскіе за 1602 г. внесено завѣщаніе князя Григорія *Ольгердовича* Сангушко Львовича Кошерскаго, старосты Брацлавскаго. Александръ Адамъ *Ольгердовичъ* князь Сангушко Кошерскій, воевода Подольскій, упоминается 1628. (Zródła dziejowe, V) [1]). Родъ князей *Ольгердовичей* Сангушковъ помѣщенъ въ памятникѣ Печерской лавры. Лишь впервые въ надписи надъ могилой князя Семена Самуила Сангушки, воеводы Виленскаго, этотъ послѣдній названъ *Любартовичемъ*“.

Убѣжденіе самихъ Сангушковъ о происхожденіи ихъ отъ Любарта утвердилось въ XVIII в. до такой степени, что князь Павелъ Карлъ Сангушко, маршалъ вел. кн. Литовскаго, сдѣлавшись владѣльцемъ города Левартова въ Люблинскомъ воеводствѣ, 1739 г., обратился съ просьбой къ

---

[1]) Адамъ Бонецкій удостовѣряетъ, что въ актѣ продажи королевичу Александру въ 1631 г. имѣній Каменскихъ, Стобуховскихъ, Мелецкихъ и Несуховѣжскихъ въ воеводствѣ Виленскомъ князь Адамъ Григорьевичъ Сангушко-Кошерскій назывался *Ольгердовичемъ* Сангушкой (Poczet rodow w wielk. ks. lit., стр. 297).

королю Августу III о перемѣнѣ названія Левартова на Любартовъ отъ его родового прозванія, на что и послѣдовала королевская санкція 22 ноября 1744 г. Такъ бывшій Левартовъ, нынѣшній уѣздный городъ Люблинской губ., и продолжаетъ именоваться Любартовомъ [1]). Въ сохранившихся памятникахъ XVIII в. къ фамильному имени своему Сангушки добавляли: *Любартовичи*, что продолжалось и въ текущемъ столѣтіи до послѣдняго времени.

J. Вольфъ считаетъ Сангушковъ потомками Федора Ольгердовича. Вполнѣ соглашаясь съ нимъ въ этомъ отношеніи, я постараюсь доказать, что Сангушки съ полнымъ правомъ могутъ называть себя и Любартовичами. Въ Кромеровомъ описаніи грамотъ Краковскаго архива въ числѣ другихъ указанъ актъ 1386, „*Theodori Lubardi* ducis Lucensis promissio obsidis, quod se sistet regi“ [2]). На этотъ актъ ссылался Голембіовскій въ исторіи Владислава Ягеллы по списку Пулавской библіотеки [3]). Въ Славутинскомъ архивѣ Сангушковъ находится пергаментный оригиналъ упомянутаго важнаго акта, на латинскомъ языкѣ, Луцкаго князя Федора Любарта отъ 12 мая 1386 г. Въ актѣ этомъ, составленномъ въ Сандомірѣ, „Feodor Lubhar, dei gracia dux Luciensis“ ссылается на обязательство свое предъ Ядвигой по поводу договора, заключеннаго между нею и высшими чинами королевства Польскаго съ одной стороны, и Ягеллой—съ другой,—обязательство, которое относится вѣроятно ко времени, предшествовавшему прибытію Ягелла въ Краковъ, когда и многіе другіе литовскіе князья связали себя поручительствомъ за него. При выѣздѣ Федора Любарта въ Литву, гдѣ дана была ему въ удѣлъ земля Луцкая, подъ условіемъ ненарушенія принятаго на себя обязательства, онъ изъявляетъ готовность всегда выполнить таковое, когда въ томъ представится надобность. Въ концѣ онъ обѣщаетъ повиноваться и вѣрно служить государю своему со всѣми своими людьми, землями, имѣніями, замками, крѣпостями, и вообще всѣми своими силами и средствами [4]). Упомянутый актъ приписывается учеными, напр. Радзиминскимъ, Голембіовскимъ и Шараневичемъ, Федору *Любартовичу*, тогда какъ онъ, несомнѣнно, принадлежитъ Федору-*Любарту Ольгердовичу*. Довольно вѣское тому доказательство я нахожу въ извлеченіяхъ изъ Холмскаго помянника, сдѣланныхъ Холмскимъ уніатскимъ епископомъ Яковомъ Сушей. „Вслѣдъ за Рюриковичами“, разсказываетъ онъ, „записаны въ помянникѣ великіе князья *Любарты* и *Любартовичи*, коихъ предокъ *Любартъ*

---

[1]) Обширный историч. очеркъ г. Левартова составленъ, по архивнымъ документамъ, Г. Вережинскимъ.

[2]) См. прилож. къ Посольской Метрикѣ вел. кн. Литов., изд. Оболенскаго и Даниловича 1845 г.

[3]) „Oswiodczenie Teodora Lubarta ks. Luckiego dane w Sandomirzu“ (т. I, стр. 6).

[4]) Arch. Sang. т. I № 3.

былъ сыномъ великаго князя Литовскаго Гедимина, и *другой Любартъ изъ Ольгердовичей*... изъ рода ихъ... вписался великій князь *Любартъ-Федоръ* съ предками и потомствомъ своими, въ числѣ которыхъ вписаны иноки Ѳедотъ и Іона *Любартовичи* [1]). Записанъ въ той же поминальной книжкѣ почтенный и великій родъ князей *Ратенскихъ, Ольгердовичей*... Далѣе, перечисливъ изъ рода Ольгердовичей Ратенскихъ и изъ рода князей Кобринскихъ лицъ, посвятившихъ себя на служеніе Богу, Суша продолжаетъ: „въ ту же книжку вписанъ родъ... *Сангушковъ, также Ольгердовичей*“, и при этомъ останавливается на князьяхъ Гавріилѣ и Сильвестрѣ (Phoenix). Изъ драгоцѣнныхъ, вполнѣ достовѣрныхъ данныхъ, сообщенныхъ Сушей, оказывается: 1) что существуетъ двѣ линіи Любартовичей, происходящихъ— одна отъ Волынскаго князя Любарта-*Димитрія* Гедиминовича, другая отъ князя Любарта-*Федора* Ольгердовича. Отсюда открывается и неправильность составленной въ XVI в., при Сигизмундѣ 1-мъ, генеалогіи Воскресенской лѣтописи, выводящей князей „Солкушковскихъ“ (Сангушковъ) и Кобринскихъ отъ Федора, сына Любарта Гедиминовича [2]).

Происхожденіе Сангушковъ отъ Ольгерда Гедиминовича подтверждается многими актами. Въ поручительной записи 1387 г., данной воеводѣ Бенедикту въ томъ, что король предоставляетъ ему во владѣніе Галичъ, упомянуты два князя Федора—одинъ *Ратенскій*, другой *Владимірскій*. Послѣдній могъ быть никто иной, какъ сынъ Любарта Гедиминовича, умершаго не позже начала 1386 г. [3]). Титулъ „Владимірскій“ Федоръ Любартовичъ унаслѣдовалъ отъ своего отца. Въ Славутскомъ архивѣ хранится грамота (безъ даты) слѣдующаго содержанія: „Се азъ князь великий *Федотъ* з братомъ своимъ Лазаромъ и Семеномъ и з маткою своею Ольгою, дали есмо грамоту на томъ князю Федору Даньлеевичу штож намъ не вступатися у

---

[1]) Въ Любецкомъ помянникѣ записанъ Іоаннъ Любартовичъ и княгиня его Марья. Р. Зотовъ. Черниговскіе князья по Любецкому синодику. 1892 г.

[2]) „А седьмой сынъ Гедиминовъ Любортъ, а Любортовъ сынъ Феодоръ, а отъ того пошли Солкушковскіе князи да Кобринскіе князи“. Согласно съ Воскрес. лѣтописью родословная книга 1787 г. (бархатная) выводитъ Сангушковичей отъ Федора, сына Любартова (ч. I, стр. 50).

[3]) Въ грамотѣ Владислава Ягеллы, писанной въ Луцкѣ 4 Октября 1386 г., о пожалованіи Острога Федору Даниловичу сказано, что удѣлъ Острожскій дается ему по примѣру предшественниковъ короля, князей Литвы и Руси, оказывавшихъ особое благоволеніе князю Федору и его *предкамъ* князьямъ Острожскимъ, на тѣхъ условіяхъ... „quibus dominus *Fedor* illustri principi olim domino *Lubardo* duci Wlodimiriensi *patruo* nostro (т. е. стрыю) legittimo aѣ antiquo dinoscitur servivisse“. Въ Arch. Sang. подъ № VI помѣщена данная *того же числа* грамота Владислава Ягеллы и Витовта на пожалованіе Федору Даниловичу Острога съ округомъ, которую Соколовскій считаетъ подложною (Kniaziowie i szlachta, стр. 29 и 30). Позднѣе, 18 ноября 1390 г. въ награду за доблестную защиту Виленскаго замка Ягелло утвердилъ за Федоромъ Даниловичемъ Острогъ съ аллодіями Заславъ и Броды (Arch. Sang. № 12).

его отчизну и у его служебные, и по его животе што дасть церквам и кому ньшто дасть, намъ в то не вступатися"... (Arch. Sang. I, № 8). I. Вольфъ Радзиминскій и др. ученые приписываютъ эту грамоту также *Федору* Любартовичу, предполагая ошибку въ имени, но мы увидимъ, что между Федотомъ, сыномъ княгини Ольги и Федоромъ Любартовичемъ ничего нѣтъ общаго. Судьбу послѣдняго можно прослѣдить по актамъ. Въ актѣ 23 мая 1393 г. о передачѣ Федору Любартовичу въ удѣлъ Сѣверской земли, которою ранѣе владѣлъ Димитрій Корибутъ, за непокорность Витовту лишенный этого удѣла (ср. Wolff. Rod Gedim., стр. 152), онъ называется княземъ Владимірскимъ: „Feodorus dei gracia dux Wladimiriensis" (Arch. Sang. I, № 14). Въ русскомъ переводѣ той же грамоты титулъ сокращенъ: „Мы, князь Федоръ Любартовичъ знаемо чинимъ... аже господарь нашъ король польскій, литовскій и руский, и иныхъ земель господарь, нашъ милый *братъ*, и его королевая божье милости Ядвига жаловали мя и дали ми землю до своей воли на имя Сѣверскую со всѣ городми, со всѣми ужитки",—за что обязуется дѣтямъ ихъ и ихъ намѣстникамъ „служити, вѣрну быти и послушну... а противу имъ никды не быти, ни однымъ веремянемъ"... (Arch. Sang. I, № 15). Никакихъ слѣдовъ пребыванія своего въ Сѣверской землѣ Федоръ Любартовичъ не оставилъ, но, примкнувъ къ Свидригайлѣ, находившемуся тогда въ Венгріи, обратился вмѣстѣ съ нимъ съ просьбою о помощи къ великому магистру Ордена, который въ 1398 г. отвѣтилъ князю Болеславу (Свидригайлѣ), сыну Ольгерда, и Федюшкѣ, сыну Любарта, изгнаннымъ изъ Литвы и взывавшимъ къ нему о помощи, что особаго посольства нарядить къ нимъ не можетъ, но что имѣютъ они войти въ переписку съ посольствомъ Ордена, находящимся у короля Сигизмунда. Вскорѣ потомъ, помирившись съ королемъ, оба бѣглеца возвратились восвояси. Свидригайло получилъ землю Подольскую и Жидачевъ, съ округомъ, каковой и уступилъ Федору Любартовичу (Wolff. Rod. Gedim., стр. 75). Въ грамотѣ Владислава Ягеллы епископу Перемышльскому Афанасію и его преемникамъ 1407 г. значится, что она дана по просьбѣ Кіевско-Галицкаго митрополита, а также князей Симеона Лугвенія и *Федюшки Любартовича* (Галицк. Науков. Сб. III, прим. 45). Сохранилось нѣсколько грамотъ Федора Любартовича, выданныхъ въ Жидачевѣ 1421—1430 г. [1]). Въ іюлѣ 1431 г. король Владиславъ, по словамъ Длугоша, пожаловалъ г. Владиміръ, съ округомъ, князю Федюшкѣ, своему родному *племяннику* [2]). I. Вольфъ не безъ основанія полагаетъ, что со смертью

---

[1]) A. З. Р. I. № 30. Я. Головацкій: Памятники № 39—40.

[2]) Ср. запись князя *Федюшки* 1 Іюня 1431 г. своему маршалку Николаю Раховскому 40 марокъ на королевскомъ имѣніи Стенява въ Стрыйскомъ округѣ. — С. Пташицкій: Опис. Литов. метр. 225.

Федора Любартовича пресѣкся родъ Любарта Гедиминовича и что всѣ догадки о его дальнѣйшемъ потомствѣ сложились во второй половинѣ XVI в., вслѣдствіе смѣшенія Федора Любартовича съ Федоромъ Ольгердовичемъ.

Что касается Федора—Любарта, то Луцкимъ удѣломъ онъ владѣлъ весьма недолго. Уже въ концѣ 1386 г. или началѣ 1387 г. Ягелло назначилъ Луцкимъ намѣстникомъ князя Федора Даниловича (Острожскаго), наказавъ ему „города Луцьска блюсти... а никому не дати“, на чемъ Федоръ Даниловичъ съ братомъ Михаиломъ и цѣловали крестъ (Arch. Sang., № 7). Въ слѣдующемъ 1388 г. Луцкъ временно перешелъ подъ власть Витовта, называющаго себя въ грамотѣ 1 іюля этого года княземъ Литовскимъ, дѣдичемъ Гродна, Бреста, Дрогичина, *Луцка* и Владиміра (Danil. Skarb. № 588). Въ числѣ свидѣтелей помѣщенъ „князь Федоръ, воевода Луцкій“. Между князьями, давшими въ 1388 г. *въ Луцкѣ* поручительство за Олехно въ вѣрности его королю, встрѣчается имя Федора Даниловича и, кажется, сына Федора Ольгердовича Романа Федоровича. Въ концѣ XIV в., продолжая именоваться *Ратенскимъ*, какъ напр. въ поручительной записи 1394 г. предъ Владиславомъ за Андрея, Федоръ Ольгердовичъ является владѣтелемъ Жидачевскаго округа. О пребываніи его въ Жидачевѣ свидѣтельствуютъ акты XVII в., находящіеся въ архивѣ Львовско-греческой кафедральной митрополіи и изданные Петрушевичемъ. Въ нихъ содержатся указанія: 1) на подтвержденіе Казиміромъ въ 1470 г. дарственной грамоты Федора Ольгердовича Галицкой церкви на имѣніе Перегинскъ и [2]) на дѣдичную принадлежность села Перегинска, расположеннаго въ повѣтѣ *Жидачевскомъ*, кафедральной церкви Галицкой крылосской по фундушевой записи Федора Ольгердовича, утвержденной особыми привиллегіями и декретами королей польскихъ: Казиміра, Сигизмунда 1-го, Сигизмунда Августа и другихъ. Въ одной рукописи прошлаго вѣка говорится, что село Перегинскъ, въ воеводствѣ Русскомъ и повѣтѣ Жидачевскомъ находящееся, было князя Олгердовича, который основалъ монастырь въ Перегинскѣ на сосѣдней горѣ „Сергіевъ“, правомъ вѣчистымъ монахамъ записалъ, но достовѣрно неизвѣстно когда именно.—Кромѣ того, А. Петрушевичъ приводитъ любопытную грамоту Федора Ольгердовича, писанную въ Жидачевѣ, „на Преображеніе, мѣсяца августа, дня шестого“ [1]). Въ ней „Федоръ Олгирдовичъ королевъ братъ“, объявляетъ о принесенной ему Тужиловцами жалобѣ на Ивана Сваричовича и Бочкова брата Ивана Долгаго Логиновича, „ижъ держалъ монастырь Топулско зъ Чернымъ лисомъ за рикою Ломницею безъ права“. Логиновичъ, возражая, что Сваричовъ и монастырь Топулско съ Чернымъ лѣсомъ пожалованъ ему королемъ за вѣрныя заслуги, указалъ границы

---

[2]) Она не помѣщена ни въ Актахъ Зап. Рос., ни въ Памятникахъ, изд. Головацкимъ.

пожалованныхъ ему имѣній—рѣки Вашневка и Луквица, которая идетъ лисомъ Черным подъ гору Космачъ до Полонинъ, недалеко границъ Угорскихъ, рѣка Ломница, с. Перегинскъ мимо урочища Солное, Красное поле до Каменнаго горба, черезъ Буръ, лѣсомъ Ровнымъ черезъ потокъ Рудавы, подъ село Рожнятово до рѣки Дубы, до городища до Перекресной дороги, черезъ лѣсъ Оспыкъ до Доманковъ и Лелетоваго дуба. Между судьями, признавшими Ивана Долгаго правымъ и взявшими у него „вышнюю гривну“, упоминаются на первомъ планѣ Филистъ воевода Жидачевскій и панъ *Данила Задеревецкій*. (Галицк. Ист. Сб., III, прим. 46). Не трудно приблизительно опредѣлить время написанія этой грамоты, по соображенію ея съ грамотою Владислава Ягеллы отъ 1394 г. на пожалованіе слугѣ его *Даніилу Дажьбоговичу Задеревецкому* селъ Чягрова и Загвоздни съ монастыремъ подъ *Галичемъ* и Дзюрова съ приселкомъ подъ *Зудечовымъ*, т. е. Жидачевомъ (Arch Sang. I, № 18), и съ правой грамотой Федора Любартовича, данной 1411 г. въ Жидачевѣ на имя того же Даніила Задеревецкаго и Татоміра Берлича Струтинскаго по спору о границахъ между имѣніями Струтинымъ и Рожнятовымъ [1]). Не сомнѣваясь въ тождествѣ личности Данила Задеревецкаго во всѣхъ трехъ грамотахъ и принимая въ разсчетъ его послѣдовательную службу при Владиславѣ Ягеллѣ и Федорѣ Любартовичѣ, я отношу грамоту Федора Ольгердовича къ періоду времени между 1388 и 1394 г. І. Вольфъ предполагаетъ, что Жидачевъ перешелъ во власть Федора Любартовича по смерти Федора Ольгердовича. (Rod Ged. 117). Это весьма вѣроятно, ибо позднѣе конца XIV в. не сохранилось ни одного слѣда дѣятельности Федора Ольгердовича.

Вопросъ о томъ: кто былъ отцомъ великаго князя Федота, Семена и Лазаря, отрекавшихся, около 1386 г., совмѣстно съ матерью своею Ольгою, отъ правъ на Острожскую волость, разрѣшается, по моему мнѣнію, при помощи помянника Кіево-Печерской лавры. Хотя послѣ истребленія пожаромъ при нападеніи татаръ, онъ возстановленъ иноками отчасти по памяти, въ концѣ XV в., („*начахомъ* имена писати ихже помняще, еже исперва написана бысть“) и хотя вообще помянники не всегда могутъ служить твердымъ основаніемъ для установленія степеней родства [2]), но тѣмъ не

---

[1]) Грамота подтверждена 1514 г. Списокъ изъ Metr. Kor.—въ Львовскомъ митропол. арх., извлеченъ А. Петрушевичемъ.

[2]) Въ помянники, наряду съ цѣлыми родами, заносились, для вѣчнаго поминовенія, часто лишь *нѣкоторые* родичи, ближайшіе или почему-либо особенно чтимые. Такъ Сенко Гродковичъ, записывая село свое Гродково игумену и братіи Пустынскаго монастыря, въ духовномъ завѣщаніи говоритъ: „А они мнѣ уписали у вечистый поминникъ шесть душъ: *отца* моего Гридка, *матку* Татьяну, *дядка* Семіона, *брата* Трохима, *сестру* Настасію и самого *мене* Сенка“ (Арх. Ю.-З. Рос. т. VI ч. I, стр. 12). Въ отступной записи 1406 г. Гридко Дружиловичъ говоритъ: „Добился чоломъ владыцѣ Ѳеодосью Полоц-

менѣе въ помянникѣ томъ, очевидно *пополнявшемся* по письменнымъ сообщеніямъ заинтересованныхъ лицъ, содержатся записи, представляющія весьма надежное пособіе при нашихъ генеалогическихъ изысканіяхъ. Къ такимъ записямъ принадлежатъ показанія о родѣ Сангушковъ. Согласно съ извѣстными намъ актами помянникъ производитъ Сангушковъ, а слѣдовательно и самого Сангушку, отъ Федора (Любарта) Ольгердовича. „Родъ княз Сенкушковъ *Федоровичъ*“. Далѣе: „княз *Θеодора Олкирдовичъ* княг (иною) его *Олгу*. (Древн. помян. Кіев.-Печ. Лавры, изд. С. Голубева. стр. 23). Такимъ образомъ помянникъ, указывая на Ольгерда, какъ на отца Федора—Любарта, раскрываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что княгиня Ольга, отрекавшаяся съ сыновьями Федотомъ, Семеномъ и Лазаремъ отъ Острожскаго имѣнія, была несомнѣнно супруга Федора—Любарта Ольгердовича, а Федотъ, Семенъ и Лазарь были его сыновья, вопреки мнѣнію Вольфа, считающаго ихъ сыновьями Федора Любартовича. Такъ какъ Острожскій округъ входилъ въ предѣлы Луцкаго княжества, то само собою разумѣется, что отреченіе отъ правъ на этотъ округъ могло исходить лишь отъ ближайшихъ наслѣдниковъ Луцкаго князя, каковымъ и былъ одно время Федоръ-Любартъ Ольгердовичъ. — Одинъ Федотъ изъ рода Федора Ольгердовича помѣщенъ въ Кіево-Печерскомъ синодикѣ, а въ утраченномъ Холмскомъ помянникѣ Федотъ, повидимому изъ того же рода, значится инокомъ [1]). О Лазарѣ никакихъ болѣе извѣстій не сохранилось; вѣроятно онъ также постригся въ монахи. Семена Федоровича я признаю тѣмъ самымъ лицомъ, которое въ другихъ актахъ именуется *Сенкушкой*, Санкгушкой или Сангушкой. Форма эта образовалась отъ Сеньки [2]), подобно тому какъ напр. отъ Федьки—Федюшко, отъ Андрея—Андрюшко, отъ Александра—Олелько, и т. п. Въ XIII в. была употребительна форма *Семьюнко* (Ипат. лѣтоп. 499 и др.)

кому, штобы мене жаловалъ и вписалъ *мене* и *сына моего* у суботникъ со *отцомъ моимъ* по роду“ (Вил. Арх. Сб. т. I, № 1). — Въ завѣщаніи Семена Романовича 1507 г. сказано. что за пожертвованіе Е. Шепеличей Пустынскому монастырю „игуменъ съ братіей маютъ записати шесть душъ у вѣчное поминане у служебникъ: Романа, Еуфимію, Симеона, Татяну, Ивана и Стефана“ (Арх. Ю. З. Р., т. VI, ч. I, стр. 11).

[1]) Лица, принявшія схиму, заносились въ помянникѣ или подъ двумя именами—княжескимъ и иноческимъ, съ присоединеніемъ иногда имени нареченнаго при крещеніи, или же подъ однимъ именемъ княжескимъ или иноческимъ, что зависѣло вѣроятно отъ времени записи въ помянникѣ и другихъ условій. Говоря объ инокѣ Федотѣ, Суша могъ разумѣть княжеское имя, подъ которымъ Федотъ является въ грамотѣ.

[2]) Имя *Сенько* въ актахъ половины XV в. встрѣчается на каждомъ шагу и присвоивается безразлично лицамъ княжескаго и не княжескаго происхожденія (см. А. З. и Ю. З. Р. II, № 72 и мн. др). Въ актѣ 1518 г. „pan *Seniuszko* Romanowicz“ Arch. Sang. IV, № 187. По существовавшему обычаю личное имя Сенкушко обратилось въ фамильное, какъ Гурко и др.—Родъ князей *Сенкушковъ*“ (Кіево Печер. помян. изд. Голуб., 23).

Есть уважительныя причины считать Сангушку сторонникомъ Свидригайлы—Болеслава Ольгердовича, оказавшимъ послѣднему немаловажныя услуги. Въ грамотѣ отъ 23 апрѣля 1438 г. о причисленіи въ награду за вѣрную службу къ рыцарскому сословію Тимоха Оверкича Богуша—„выходца съ земли Сиверской, отъ Новгородка"—Свидригайло объясняетъ, что „справы и родъ зацный дому Богуша *вѣрный нашъ князь Сендюшко* оповѣдалъ" (А. З. Р. I, № 37). Сангушко владѣлъ обширными имѣніями. При разграниченіи великаго княжества Литовскаго отъ Короны Польской 3 августа 1546 г. Петръ Симашко говорилъ, что отъ рѣки Вижвы и Березовой до горы Теремца то есть кгрунтъ великого князства королевое ее милости, села Вижовского, которое село ее милость королевая маетъ отъ князя Василья Ковельского, якожъ тые люди королевое ее милости Вижовци сами, яко памяти ихъ зайдуть и предковъ ихъ, тыхъ земль у покойномъ держанью и вжыванью были ажъ и до сихъ часовъ. А тые границы, которые оны указываютъ у деревьи врубываны, *тыи грани покладалъ князь Сендюшко, который держалъ Ковель и Ратенъ и Любомль и Вижву и вси тые села;* ино тые грани чинилъ отъ села Выжовского для лововъ, и по тые грани далъ уходъ и на пашню Вижовцомъ; а другіе грани *тотъ же князь Сендюшко* вчынилъ промежку своихъ имѣней: Ратномъ и Вижвою, бо тое Ратно и Любомль отняли ку Корунѣ за Казимира короля" [1]). Продолжая вести границу и ставши у горы у врочыща Теремца, Семашко черезъ нѣсколько дней говорилъ: „*Ратенъ и Любомль* было великого князства и *отчызна князей Сендюшковичовъ*, и отыполъ тотъ Ратенъ и Любомль за Казимера короля... И повѣдали, межы тыхъ граней, Теремца, тоею рѣчкою Лютою и тоею рѣчкою Вижвою до рѣчки Оходное, зъ обудвухъ сторонъ, яко съ Коруны, такъ съ князства упокойную маютъ границу. И оттуль вели ку врочищамъ Лавамъ, отъ Лавъ *ко двору Сенкушкову, который бывалъ у ловищахъ*". (Арх. Сб. Вил. I, 75—81). Ловчій дворъ и „замочокъ Вижовъ" перешли въ собственность Михаила Сангушковича, который просилъ позволенія „подлѣ рѣчки Вижвы звѣрь ловить", а потомъ Василію Михайловичу (Arch. Sang. IV, № 138). Часть имѣній этихъ и Кошерская волость были, вѣроятно, утверждены за Сангушкой Свидригайлой около 1436 г., какъ наслѣдственныя, когда во владѣніи его остались Кіевъ и Волынская область [2]). Ратно съ округомъ дано было Сангушкѣ первоначально Влади-

---

[1]) Въ Литовской метрикѣ имѣется грамота короля Владислава отъ 23 октября 1444 г., данная Волчку Рокутѣ Клодненскому, Львовскому подкоморію, на выкупъ за 70 марокъ у Альберта Миховскаго города Грубешова, — причемъ король записываетъ ему ту же сумму на городъ *Любомль* и принадлежащихъ къ нему селахъ. С. Шапицкій. Опис. Литов. метр., 228.

[2]) О Свидригайлѣ ср. И. Шараневичъ. Ист. Гал. Влад. Руси, 394 и прим. 56.— Въ актѣ 1586 г. также проводится граничная черта старостъ Любомльскаго и Ратен-

славомъ въ 1433 г., и затѣмъ, какъ *отчина*, Казиміромъ Ягеллономъ въ 1443 г. „Дали есмо Ратно и Ветлы князю Сонкушку, якожъ есть его *отчина*“... (Arch. Sang. I, № 39). Вотъ лучшее доказательство, что Ратно нѣкогда принадлежало отцу Сангушки-Федору, который потомъ и назывался Ратенскимъ въ приведенной мною грамотѣ. — Вторичное пожалованіе Ратенской волости Сангушкѣ объясняется тѣмъ, что она дана ему была въ держаніе ненадолго. Когда Ратно отобрали у Сангушки, онъ собралъ войско, овладѣлъ имъ снова и приговорилъ къ смертной казни назначеннаго туда Владиславомъ III бургграфа и многихъ королевскихъ слугъ. Въ наказаніе за такую дерзость и другія вооруженныя нападенія на королевскія имѣнія, сопровождавшіяся страшными опустошеніями и притѣсненіемъ королевскихъ подданныхъ, Владиславъ въ 1441 г. лишилъ Сангушка Коширской волости и передалъ ее Холмскому старостѣ Дерславу изъ Рытвянъ. (Arch. Sang. I, № 37). Такъ поддерживалась установившаяся издревле связь Ратна съ Холмомъ, уясняющая до нѣкоторой степени внесеніе рода Федора Любарта въ Холмскій синодикъ, равно какъ и тотъ интересный фактъ, что при первоначальномъ пожалованіи Сангушкѣ Ратенскаго округа къ нему было присоединено имѣнье *Кросничинъ, въ Холмской землѣ*, принадлежавшее сыновьямъ князя Гурки [1]), племянникамъ Сангушки. Причины такого присоединенія Сангушко въ грамотѣ 1433 г. объяснялъ желаніемъ короля вознаградить его за ущербъ, происшедшій отъ разрушенія замка Ратно и опустошенія Ратенскаго округа. Этотъ Гурко въ началѣ XV в. одно время состоялъ при дворѣ Владислава вмѣстѣ съ братомъ своимъ Романомъ. (Wolff. Rod. Ged., 126, 127). Онъ умеръ вѣроятно около 1430 г., ибо въ упомянутой грамотѣ Сангушки о немъ говорится, какъ объ умершемъ. Кросничинское имѣніе едва ли долго находилось въ рукахъ Сангушки, судя потому, что 17 декабря 1438 г. дана Владиславомъ грамота Ванькѣ Кисловскому на 300 марокъ, обезпеченныхъ на разныхъ имѣніяхъ *Холмской* земли, въ томъ числѣ и на *Krosznychyn*'ѣ (С. Шташицкій. Описс. Литов. метр., 228). Если сыновья Гурки приходились *родными* племянниками Сангушкѣ Федоровичу Ольгердовичу, въ чемъ Вольфъ справедливо не видитъ основаній сомнѣваться, то Гурко былъ родной братъ Сангушки и Романа Федоровичей. Не тотъ ли это самый кн. Гурко, который назывался Лысятичскимъ, по принадлежности ему Лысятичей въ Перемышльскомъ округѣ? (Act. ter. Premisl. II, 141). Кромѣ перечисленныхъ имѣній Сангушкѣ принадлежала между 1441—1445 г., вмѣстѣ съ селами Коростичи, Олишковичи

скаго. Знаки мѣстами были „вытяты“ (вырублены); упомянуто урочище „Побій коня гдѣ на копы люди съ Короны и съ Литвы сходити звыкли“ (А. Вил. Ком. VI, 142—147).

[1]) Гурко или Юрко—сокращ. форма или отъ Гурій, или отъ Гюргій, Юрій. Она нерѣдко встрѣчается въ грамотахъ XVI в., напр. „Настасья *Гурковна* Журовецкая, Федоръ *Гурковичъ* Шмелевскій“ (А. З. и Ю. Р. I, стр. 123 и др.).

Щеславичи, Романово Горбачевичи и Ивашкино Букчино,—Тростяница, данная ему великимъ княземъ Сигизмундомъ. Имѣнье Тростяницкое съ селами Дзюсюхичами, Нуйномъ, Грабовымъ, Березовымъ и монастыремъ св. Николая въ Мильцѣ Сангушко записалъ своей женѣ Ганкѣ, (Wolff. Rod. Ged., 122, прим. 1. Arch. Sang. III, № 4, 5 и 14). Тростяница оставлена за нею и по смерти Сангушки особой грамотой королевской 1463 г., „до живота, ажъ иметь на вдовн столецъ сѣдѣти, а по животѣ ея дѣтямъ ей далъ“ (Ib., 123, прим. 1). Въ грамотѣ Казиміра Ягеллона 1490 г. сказано, что Тростяница перешла во владѣніе сыновей Сангушки князей Александра и Михаила. „Противъ того имѣнья Тростяницы дали есмо имѣнья въ Берестейскомъ повѣтѣ на имя Сошно, а въ Володимерскомъ повѣтѣ на имя Хвалимичи, а Братуловское, Заечичи. а Намчинское, Шишковичи со всимъ, што къ тымъ имѣньямъ слушаеть, по тому какъ отцу ихъ князю Сангушку далъ былъ тое имѣнье Тростяницу великий князь Жикгимонтъ“ (Arch. Sang. I, № 96) [1]).

Братъ Сангушки и Гурки Романъ Федоровичъ получилъ въ 1404 г. отъ вел. князя Витовта, дяди своего, Кобринъ и Грущево, а также Несухоежъ и Милановице (Ib., 118 и прим. 5). По смерти Романа Федоровича Кобринъ съ другими имѣніями перешелъ къ сыну его Семену. Въ помянникѣ Кіево-Печерскомъ родъ князя Ивана Семеновича Кобринскаго начинается съ Федора, Романа и Семена, (Пом. изд. Голубева, стр. 11). Въ 1454 г. Семенъ Романовичъ, при свидѣтеляхъ—дядѣ своемъ Сангушкѣ Федковичѣ и братѣ своемъ Александрѣ Сангушковичѣ записалъ женѣ своей Юліанѣ Семеновнѣ Гольшанской вѣна 200 копъ грош. на отчинныхъ имѣніяхъ Кобринѣ, Черевачицахъ и Грушовой (Arch. Sang. III, № 13). Въ 1465 г. Ульяна Семеновая, т. е. жена Семена, съ сыномъ Иваномъ отдали Кобринскую церковь Петра и Павла въ держаніе слугѣ своему Юдкѣ, со всѣми доходами. (Arch. Sang. I, № 62, Акт. Вил. Ком. III, № 2, A. З. Р. I, 85). Жена Ивана Семеновича „Кобрынская княгини [2]) Федка, папа Ивана Рогатинскаго дочка, а князя Андрѣя Володимировича внука“. въ 1487 г. записала мужу своему Ивану Семеновичу 2000 злотыхъ угорскихъ на двухъ отчинныхъ и дѣдичныхъ дѣльницахъ своихъ (Arch. Sang. I, стр. 239), въ томъ числѣ вѣроятно на Авичѣ, Могильичѣ, Словенскѣ, Ломницѣ и Полонномъ, данныхъ Витовтомъ дядѣ князя Семена Ивановича Владиміровича Андрею Владиміровичу и присужденныхъ въ 1484 г. Казиміромъ Ягеллономъ внукѣ послѣдняго княгинѣ Федкѣ Ивановой женѣ Ивана Семеновича Кобрин-

---

[1]) Въ податной книгѣ 1510 г. Кросничинъ наряду съ Павловымъ, Туробинымъ и Щебрешиномъ показанъ совершенно опустошеннымъ. (Polnocno wschodn. Wołoskie osady. Bibl. War. т. IV).

[2]) „Княгини“ форма древне-русская. Ср. въ Словѣ о полку Игоревѣ: „уже пустыни силу прикрыла“.

скаго. (Arch. Sang. I, № 87). Иванъ Семеновичъ, подаривъ своей женѣ Федкѣ дѣльницы въ Кобринѣ и Добучинахъ (С. Пташицкій. Опис. кн. Лит. метр., 215), собирался записать десятину Кобринскому монастырю св. Спаса, но за смертью не успѣлъ. Вдова его Федора въ своей фундушевой записи 1499 г., такъ упоминаетъ объ этомъ: „Иванъ, небощикъ мужъ мой, говорилъ намъ и казалъ записати по души своей къ монастыру св. Спасу въ Кобрини село Корчичи и зо всими дачками, зъ медовыми и грошовыми и зъ полюдьемъ, и зо всимъ зъ тымъ, што коли давали *предкомъ* нашимъ и па потомъ намъ самимъ“ (Акт. Вил. Ком. III, № 1, А. З. и Ю. Р. I, № 33). Запись Федоры подтверждена Сигизмундомъ въ 1512 г. по просьбѣ игумена Спасскаго монастыря Антонія Критскаго (А. З. Р. II, № 79). Запись Федоры, по складу и отчасти по содержанію своему, напоминаетъ грамоту Волынскаго князя Владиміра Васильковича 1287 г.: „Далъ есмь княгинѣ своей, по своемъ животѣ, городъ свой Кобрынь и съ людьми, и съ данью, какъ при мнѣ даяли, тако и по мнѣ ать дають княгинѣ моей“ (Ипат. лѣтоп. 595). Подробное и любопытное перечисленіе даней или податей Кобринскихъ содержится въ инвентарѣ Кобринскаго монастыря св. Спаса, составленномъ по приказанію вел. княгини Боны (Акт. Вил. Ком. VI, 492). О дочеряхъ Семена Кобринскаго Маріи и Аннѣ поговоримъ въ своемъ мѣстѣ.

Не повторяя всѣхъ приведенныхъ Іосифомъ Вольфомъ и Адамомъ Бонецкимъ мелочныхъ, хотя и очень цѣнныхъ, данныхъ о потомкахъ Федора Ольгердовича, остановлюсь на прямыхъ потомкахъ Сангушки, игравшихъ видную роль въ Литовскомъ княжествѣ, и постараюсь привести въ порядокъ ихъ запутанную генеалогію [1]). Изъ сыновей Сангушки достовѣрно извѣстны четверо: Василій, Иванъ, Михаилъ и Александръ.

Князь *Василій Сангушковичъ* въ качествѣ правителя Брацлавской области выдалъ въ 1443 г., за повелѣніемъ великаго князя Свидригайла, грамоту по дѣлу земянъ уѣзда Брацлавскаго (Антоновичъ. Грам. вел. княж. Литов., стр. 6—9). О потомствѣ Василія Сангушковича нѣтъ никакихъ свѣдѣній, да едва ли оно и было. Въ 1475 г. король Казиміръ, отобравъ по смерти вдовы Сангушковой Ганки, данное ей имѣніе Тростяницу, надѣлилъ ея сыновей Александра и Михаила имѣніями: Сошно въ Брестскомъ повѣтѣ, Заячиче, Хвалимичи и Тишкевичи во Владимірскомъ повѣтѣ (Wolff. Rod Ged. 123). Сохранился слѣдъ пребыванія Василія Сангушковича въ Червонной Руси. Полагаю, что этотъ самый Василій упоминается

---

[1]) Однимъ изъ пособій послужило для меня добросовѣстное, хотя и очень краткое изслѣдованіе о потомкахъ Сангушки, Н. И. Теодоровича въ его историч. очеркѣ г. Заславля. Почаевъ. 1891 г., стр. 16—25. Разсужденіе его о происхожденіи Сангушковъ не выдерживаетъ ни малѣйшей критики.

въ записи на 21-мъ листѣ Перемышльскаго Четвероевангелія XV вѣка: „Сия книга... списканѣемъ и трудомъ боголюбиваго Василія князя Любартовича, воеводы Перемыского, придана бысть до монастыря Лавровскаго“ [3]).

Князь *Иванъ Сангушковичъ* въ 1452 г. получилъ въ держанье г. Дорогичинъ и нѣкоторыя другія имѣнія (Arch. Sang. III, № 12 и 91), подписался свидѣтелемъ на актѣ мѣны имѣніями, около 1470 г., между князьями Збаражскими (Rod Ged., 123, прим. 4, сравн. Arch. Sang. I, стр. 65).

Князь *Михаилъ Сангушковичъ* неоднократно значится въ документахъ 1474—1491 г. (Arch. Sang. I, стр. 239 и др.). По раздѣлу съ братомъ Александромъ 1475 г. ему достались Хвалимичи, Тишкевичи, Заячице и Волковиче (Arch. Sang. III, № 18). Въ 1510 г. состоялось королевское рѣшеніе по жалобѣ князя Михаила Роговскаго на князя Михаила Сангушковича и его сыновей Януша и Василія, что давъ ему въ обмѣнъ за Ружинъ Заячиче и Волковиче, не очищаетъ имѣній (Rod Ged., стр. 124, Arch. Sang. III, № 100). Въ 1512 г. князья Андрей Александровичъ Сангушковичъ съ братомъ своимъ Андреемъ Михайловичемъ Сангушковичемъ Коперскимъ жаловались на дядьку своего князя Михаила Сангушковича и сыновей его Януша и Василія, что владѣютъ самовольно нѣкоторыми еще не раздѣленными между ними имѣніями (Bonecki Pocz. rod. lit. 293).

Князь *Янушъ Михайловичъ Сангушковичъ*. Въ 1518 г. Сигизмундъ 1-й далъ князьямъ Янушу и Василію Михайловичамъ Сангушковичамъ землю Смядынскую на берегу р. Выжвы и Бережницы, въ округѣ Владимірскомъ, въ держанье, какъ нѣкогда стрый ихъ (patruus) князь Иванъ и затѣмъ отецъ ихъ Михаилъ Сангушковичи держали (Arch. Sang. III, № 91). Янушъ Михайловичъ Сангушковичъ и супруга его Настасья, дочь пана Семена Федоровича Олизаровича, подтвердили въ 1511 г. запись Дерманскому монастырю на купленное Семеномъ Олизаровичемъ у князя Юрія Васильевича Заславскаго село Бѣлашовъ (А. З. Р. II, № 82. Пам. Кіев. Ком. т. IV, отд. 1, стр. 31—33 и Arch. Sang. III, № 120, 121). По смерти Януша Михайловича вдова его Настасья вышла за князя Ивана Вишневецкаго. Въ 1514 г., Сигизмундъ 1-й утвердилъ куплю „цтя“ его Сенки Федковича Олизаровича земли въ Городенскомъ повѣтѣ (Arch. Sang. III, № 139). Въ 1541 г. „припоминали старостичъ Берестейский панъ Григорей Александровичъ Ходкевичъ, ижъ князь Константинъ, воевода Троцкий, мелъ сестру свою увъ опеце по смерти мужа ее небожчика пана Семена Олизаровича, съ которымъ мужомъ своимъ мѣла она одну девку, которая тежъ у него увъ опеце была и по смерти матки своее у небожчика князя Констентина также мешкала. Князь Констентинъ... даючи ее замужъ за князя Януша

---

[3]) А. Петрушевичъ. Литературный Сборн. 1887 г. Львовъ, стр. 187 прим.

Ковельского, некоторыи имѣнья у себѣ задержалъ а не вернулъ... Белашовъ и др.; то пакъ князь Янушъ умеръ... Какжо князь Костентинъ .. далъ ее въ малженство за князя Ивана Вишневского а тые именья предся собе оставилъ". По смерти Константина Иваповича имѣнія тѣ остались во владѣніи сына его Ильи. Когда умеръ Илья, то Григорій Ходкевичъ домогался возврата ихъ (Arch. Sang. IV, № 214).

Князь *Василій Михайловичъ Сангушковичъ* Ковельскій. Въ 1520 г. купилъ у Богдана Львовича Боговитиновича имѣніе Сомпнъ, что подтверждено Сигизмундомъ въ 1521 г. (Пташ. Опис. лит. метр. 239, Arch. Sang. III, № 208, 209). Въ 1518 г. получилъ отъ короля привилей на обращеніе своего паслѣдственнаго мѣстечка Ковель въ городъ, съ Магдебургскимъ правомъ, взамѣнъ правъ *русскихъ* и *литовскихъ*. (Arch. Sang. III, стр. 183). Въ 1521 г. епископъ Владимірскій и Берестейскій Іона, а въ 1523 г. Сигизмундъ 1-й подтвердили мѣновую запись Василія Михайловича съ владыкою Володимерскимъ Пафнутіемъ своего отчиннаго имѣнія Тышкевичи на церковное имѣніе Сядмарты (Пташ. Опис. лит. метр. 239. Arch. Sang III, № 220 и 256). Въ томъ же году на челобитье Василія Сангушковича король, съ согласія владыки Володимерскаго Іоны, далъ ему церковь св. Василія во Владимірѣ-Волынскомъ „въ поданье и оборону, ему самому и его княгини, и ихъ дѣтемъ, со всимъ съ тымъ, што къ той церкви здавна прислухаетъ" (А. З. Р. II, № 214 и Arch. Sang. III, № 258). Василію же Михайловичу принадлежалъ Мелецкій монастырь св. Николая, перешедшій къ нему отъ жены Сангушковой Гапны (Rod Ged. 122), равно какъ и Выжва, доставшаяся ему по наслѣдству. Въ фундушевой записи, данной 19 октября 1521 г. церкви св. Спаса въ Старой Выжвѣ, онъ ее называетъ своей *отчиной* (Н. Иванишевъ. Собр. соч., стр. 214 и 215). Въ грамотѣ Сигизмунда Авг. около 1550 г. говорится: „...Дати рачила насъ королевая ей милость и наивыша княгиня Бона, наша матка наша, о томъ, пжъ мисто ей милость *Выжву* начато садити еще за князя *Василя Михаловича Сангушковича*, гдѣ и теперь тому мисту не мало еще людей прибываетъ,—жадала ей милость насъ, абысмо позволили въ томъ мисти торгъ въ кожды день недилни а ярмарокъ... мети" (F. Martynowski. Star. Pol., т. II, вып. 13, стр. 73) [1]). Около 1532 г. началъ Василій Михайловичъ тяжбу съ Андреемъ Михайловичемъ Кошерскимъ, завершившуюся разграниченіемъ ихъ имѣній въ 1537 г. Поземельные споры заводилъ Василій Михайловичъ и съ другими родственниками, напр. съ Федоромъ Андреевичемъ (Александровичемъ). Въ 1533 г. продалъ Волковиче и Заячице. Нѣсколько

---

[1]) Здѣсь же помѣщено письмо Боны 1548 г. старостѣ Ковельскому, Выжовскому, Милановскому, Богдану Мих. Симашкѣ о присоединеніи окрестныхъ жителей ко вновь устроенному посаду Выжвѣ.

роста и намѣстникъ Кременецкій: Казиміръ Ягеллонъ, грамотою, данною между 1440—1446 г., пожаловалъ Александру Сангушковичу Лосице (Лошице) „со всимъ што къ Лошици слушаеть“ (Arch. Sang. I, № 45). Въ 1467 г. Александръ Сангушковичъ пріобрѣлъ покупкою села Чеченевице и Баймаковцы (Ib. № 67). По раздѣлу съ братомъ Михаиломъ 1475 г. ему достались Сошно, Володава и Шумино (Arch. Sang. III, № 18). Въ 1491 г. велъ споръ съ Цеценовскимъ по поводу купленнаго у нихъ въ 1469 г. села Новосельце (Ib.—№ 68 и 99). Женатъ былъ два раза. Вторая жена—вдова по Андреѣ Волотовичѣ, мачиха сыновей Александра Сангушковича Михаила и Андрея. Въ грамотѣ 1500 г. говорится, что первый мужъ жены Александра Андрей записалъ ей *рядным̀ъ обычаемъ* вѣна 600 копъ грошей. Александръ Сангушковичъ взялъ Андреевую съ имѣніемъ Звинячемъ, которое было утверждено за нимъ привилеемъ короля Казиміра Ягеллона. По смерти Александра Сангушки мачиха не дала сыну его того привилея. Великій князь Александръ, разспросивъ писавшаго тотъ привилей б. писаря короля Казиміра Богдана Сапѣгу и узнавъ отъ самого Андрея Александровича, что мачиха его княгиня Александровая записала половину того вѣна, 300 копъ гр. ему, а другую половину—сестричкѣ своей княгинѣ Юрьевой Четвертинской, разрѣшилъ Андрею Александровичу выплатить 300 копъ гр. княгинѣ Юрьевой, „что ей записала тетка ея, и, по смерти мачихи его, далъ имѣніе Звинячъ Андрею въ вѣчность, самому, его женѣ, ихъ дѣтямъ и потомкамъ“. (Arch. Sang. I, стр. 119). „Подворье Звѣняцкое въ Луцку, въ городѣ околъномъ“ было заставлено (заложено) мачихою Андрея князю Юрію Четвертинскому въ 40 копахъ гр. Въ 1503 г. ему разрѣшено было выплатить деньги, а подворье взять себѣ (Ib. стр. 150).

Князь *Михаилъ Александровичъ Сангушковичъ* умеръ до 1500 г., оставивъ вдову Анну и сына Андрея, которые въ 1502 г. раздѣлились имѣніями—отчизною и дѣдиною съ княземъ Андреемъ Александровичемъ, о чемъ и заявили королю въ 1505 г. (Arch. Sang. III, № 63). Раздѣльный актъ сохранился не вполнѣ и изложенъ не совсѣмъ ясно, но изъ него можно однако понять, что главные замки Кошеръ и Несухоѣже подѣлены безъ жребія. Первый изъ нихъ взяла себѣ Анна, второй, — Андрей Александровичъ. Всѣ остальныя наслѣдственныя имѣнія: Камень и другія отдѣльныя части Кошерской волости, а также монастырь св. Михаила во Владимірѣ-Волынскомъ, Влодава, пріобрѣтенное Михаиломъ Александровичемъ Сангушковичемъ отъ Некраша Колчея съ братьею, Дубище, пожалованное Александру и Михаилу Сангушковичамъ, Сошно на Бугѣ и многія другія имѣнія раздѣлены по жребію. (Arch. Sang. I; № 113 и 147). Для генеалогіи Сангушковъ этотъ актъ представляется драгоцѣннымъ источникомъ, доказывая, между прочимъ, что грамота вел. князя Александра отъ 1501 г. о передачѣ во владѣніе княгинѣ Михайловой Сонькушковича Анънѣ съ дѣтьми пожалованнаго Витовтомъ ея дѣду Копачу имѣнія Деречина относится именно

имѣній пріобрѣтено покупкой. Такъ въ 1535 купилъ у Петра Острожецкаго Туличовъ (Arch. Sang. III, № 435 и IV, № 8).—въ 1538 г. куплено имѣніе Задыбы. Въ 1542 г. вмѣстѣ съ женою Софьей купилъ у земянъ Семашковичей имѣніе Дубно (Arch. Sang. IV, № 324) [1]). Въ 1543 г. князь Василій уступилъ Ковель королевѣ Бонѣ [2]), получивъ взамѣнъ волость Гарвольскую, Смольняны и Оболецъ съ принадлежащими къ нимъ селами и приселками. Въ 1546—1552 г. Василій Михайловичъ состоялъ державцей Свислочскимъ. Женатъ былъ два раза. Первая жена—Анна Скорутянка, вмѣстѣ съ которою продалъ с. Волковице, вторая—Софья Андреевна Лозчанка. Выдавая за Юрія Головню Острожецкаго дочку свою Ганну, какъ сказано въ заявленіи 1542 г., Василій взялъ у жены на выправу дочери 200 копъ грошей съ разными драгоцѣнностями. Въ этой суммѣ заставилъ ей имѣніе Хотешовъ и Нуйно съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ его смерти сынъ его *Григорій* выкупилъ тѣ имѣнья. Софья Андреевна вмѣстѣ съ мужемъ вела въ 1547 г. тяжбу о Рогачъ съ Васильевою Лощиною и упоминается въ грамотѣ 1543 г. (о замѣнѣ имѣнія Ковельскаго на Обольце, Гарволинъ и Смольняны) съ своимъ мужемъ, сыномъ *Григоріемъ* и дочерьми *Ганною, Магдалиною и Мариною*. (Шташицк. Опис. лит. метр. 240. Arch. Sang., т. III стр. 183, т. IV, № 249, 276 и др., Pocz. rod., 294). Изъ приведеннаго мною ниже духовнаго завѣщанія Романа Федоровича Сангушки обнаруживается, что у Григорія Васильевича Ковельскаго былъ сынъ *Андрей* и дочь *Федора*. Въ инвентарѣ Смольнянскаго имѣнія, составленномъ 16 мая 1596 г., значится, что часть его (село Бѣлецево) было „ее милости княгини Андреевое Сангушковое Ковельское въ нагородѣ службъ его до лѣтъ зуполныхъ пана сына ее милости *Семена* Сангушковича Ковельскаго". (Вил. Арх. Сб. IV, № 76, стр. 303). Слѣдовательно у Андрея Григорьевича Ковельскаго былъ сынъ Семенъ. Очень можетъ быть, что находящійся въ Виленской публ. библіотекѣ отрывокъ помянника Сангушковъ, который я отношу къ концу XVI в. [3]), заключаетъ въ себѣ часть записей рода Василія Михаиловича Ковельскаго; мы встрѣчаемъ тамъ имена Григорія, Семена, Марины. (Опис. рукоп. сост. Ф. Добрянскимъ, стр. 30 и 31). Въ родѣ Андрея, по тому же помяннику, показаны, кажется, братъ Василія Михайловича Иванъ и жена его Настасья.

Князь *Александръ Сангушковичъ* упоминается въ актахъ съ половины XV в. по 1489 г., то какъ староста Владимірскій, то позднѣе, какъ ста-

---

[1]) Въ актѣ 1546 она называется *своякиной* державцы Могилевскаго Федора Боки и городничаго Кіевскаго Ивана Служки съ женою (Arch. Sang. IV.

[2]) Грамотою Сигизмунда 1567 г. Ковель переданъ на ленномъ правѣ князю Курбскому. Н. Иваншевъ. Сбор. соч. 153--216.

[3]) Въ XV в., къ которому относятъ отрывокъ помянника, не писали „*девицу*" „Марину".

къ женѣ Михайла Александровича, роднаго брата Андрея Александровича [1]), которая въ томъ же году совершила запись на церковь св. Спаса въ Деречинѣ (Arch. Sang. III, № 50).

Князь *Андрей Михайловичъ Сангушко* Кошерскій, сынъ Михаила Александровича, въ 1505 г. кончилъ раздѣлъ имѣній съ дядей Андреемъ Александровичемъ. Въ 1510 г. получилъ отъ Сигизмунда Мацѣевщину и Пацутовщину въ Гроднепскомъ повѣтѣ (Arch. Sang. III, № 104) и разныя имѣнія въ повѣтѣ Новогродскомъ, а въ 1522 г. пустовщины Матейковщину и Ондрпвщину въ повѣтѣ Городенскомъ. (Ib. № 234). Въ 1523 г. обмѣнялся съ дядкомъ Андреемъ Александровичемъ имѣніями Бужковичи, Черичи и Луковичи на Ильвле (Ib. № 263). Въ 1528 г. по книгамъ суда маршалковскаго титулуется маршалкомъ королевскимъ. Въ 1532—1533 г. велъ процессъ съ стрыемъ своимъ Василіемъ Михайловичемъ Сангушковичемъ. Въ 1534 г. продалъ Цехановпце, Кременецкаго повѣта, Виленскому епископу Яну „такъ долго и широко, яко дѣдъ его князь Александръ Сенкушковичъ и отецъ его держали“ (Ib. № 480), и часть Перемиля. Въ 1544 г. совершена мѣновая запись королевы Боны съ Андреемъ Михайловичемъ имѣній ея Краснаго и Ставрова на села его Речицу и Сомино [2]) (Bon. Pocz. rod. lit. 295. Пташ. Опис. метр. лит. 29 и 240. Arch. Sang. IV, № 325 и 329). Былъ женатъ два раза. Первая жена — Анна Васильевна Хребтовичъ, другая—княжна Богдана Мстиславская. Въ 1514 г. Сигизмундъ подтвердилъ завѣщаніе тещи Андрея Михайловича „Василевое Хребтовича, пане Федп, Пашковое дочки Дохновича“, по коему имѣніе Яблонна перешло въ собственность Василія Хребтовича, отписавшаго то имѣніе дочкѣ и ему, Андрею Михайловичу (Arch. Sang. III, № 141), а въ 1528 г.– актъ, которымъ Василій Хребтовичъ отдалъ своей дочкѣ, женѣ того князя, пріобрѣтенныя имъ имѣнія Вербичне, Конюхи и др. (Ib. № 345). Въ 1535 г. Андрей Михайловичъ жаловался на Илью Константиновича Острожскаго отъ себя и отъ жены своей Ганны „о имене, на имя Мойсѣевичи, у Туровскомъ повѣте, ижъ дей то ест отчизна и дедизна жоны его: то держалъ дѣдъ жоны моее, панъ Богданъ Хребтовичъ и сынъ его панъ Василей тестъ мой, а после тъстя моего тое имене по жоне мне ся остало, и князь Ко-

---

[1]) По изслѣдованію Бонецкаго, у Михаила Александровича, кромѣ сына Андрея, было двѣ дочери, изъ коихъ одна—Настасья вышла за князя Семена Одинцевича, другая, неизвѣстная по имени, вышла за князя Ивана Полубинскаго. (Pocz. rod. 295). Съ мнѣніемъ Бонецкаго, основаннымъ на документахъ, можно согласиться. Думаю, что вторую дочь звали Пелагіей, ибо въ помянникѣ Супрасльскаго монастыря рядомъ съ княземъ Іоанномъ Полубенскимъ записана княгиня Пелагія: — „Князя Іоанна Полубенскаго, княгиню Пелагію Полубенскую“ (Вил. Арх. Сб. т. IX, стр. 458).

[2]) То самое Сомино, которое Владиміръ Василькович въ 1287 г. завѣщалъ своей женѣ (Ипат. лѣтоп. 595).

стентинъ дей небощикъ тое имене отъ мене отнял и привернулъ къ Турову“ (Arch. Sang. IV, № 3). Въ актѣ 1540 г. Андрей Михаиловичъ писалъ: „Поелъ есми за себя у малженство панну Ганну Василевну Хребтовича“. Противъ ея посага записалъ ей вѣно 1000 копъ грошей на отчинномъ своемъ замкѣ Каменѣ, а затѣмъ привѣнокъ въ такую же сумму на отчинномъ имѣніи Лушневѣ (Ib. № 197). Духовнымъ завѣщаніемъ 1545 г. „лежачи на смертной постели“ [1]), Анна почти всѣ имѣнія свои отказала сыну Александру (Ib. № 336, ср. № 343). Въ 1542 г. Андрей Михайловичъ былъ грамотою Сигизмунда 1-й именованъ державцей Луцкимъ, съ предоставленіемъ ему держать староство Луцкое, замокъ Луческъ, съ капщиною и тѣми доходами, коими пользовался небощикъ князь Федоръ Михайловичъ Чорторыйскій (Ib. № 266). Въ Іюлѣ 1546 г. именованъ ключникомъ, городничимъ и мостовничимъ Луцкимъ (Ib. № 387). Въ 1547 г. вели процессъ четыре сестры Мстиславскія, въ томъ числѣ и старостиная Луцкая, Богдана, княгиня Андреевая,—съ Полубинскимъ, старостою Мстиславскимъ (Arch. Sang. IV, № 426. Bon. Pocz. rod., 297). Въ этомъ 1547 г. Андрей Михайловичъ назывался еще старостою Луцкимъ, маршалкомъ господарскимъ, ключникомъ, городничимъ и мостовничимъ Луцкимъ (Арх. Ю. З. Рос. т. VI, ч. 1 стр. 47). Въ 1544 г. королева Бона уступила Луцкому старостѣ Андрею Михайловичу Сенгушковичу Кошерскому пріобрѣтенное ею Луцкое войтовство въ обмѣнъ на имѣнія Мельницкой волости: Браховичи, Козлиничи и Чоловь, которыя „з давныхъ часовъ тягнули ку Мельницы, иже гди велики князь Свидригайло отдалъ былъ Мельничъ стрельцу своему Любу“ (Ib. т. I, ч. 5, № 10). Незадолго до того, будучи справцей воеводства Кіевскаго, 30 Декабря 1543 г. Андрей Михайловичъ „увязывалъ листъ господарскій у монастыръ св. Михаила Златоверхаго“ по поводу пропажи записей на людей и ливы по винѣ какого-то Подоприсвѣта, скрывшагося съ тѣми листами (А. З. Р., т. II, № 228) [2]). У Андрея Михайловича были сынъ Александръ и дочь Анна. Въ 1546 г. Богушъ Федоровичъ Корецкій, староста Житомірскій, заявляетъ: „Што понялъ былъ

---

[1]) Сравн. равнозначащее выраженіе въ духовной Владиміра Мономаха: „сѣдя на санехъ“.

[2]) Такъ погибли и грамоты монастыря Никольскаго Пустынскаго (Кіевскаго). Въ имѣющейся у меня выписи изъ Люблинскаго архива др. актовъ (кн. Любл. 75, стр. 915), содержится протестъ игумена того монастыря Исаіи Трофимовича Козловскаго 1647 г. о томъ, что монахъ означеннаго монастыря Іоаннъ Русановскій, будучи уполномоченъ братіей на веденіе ея дѣлъ въ Люблинскомъ трибуналѣ и имѣя на рукахъ бумаги и грамоты монастырскія, въ томъ числѣ пергаментныя съ привѣшенными къ нимъ печатями отъ разныхъ королей польскихъ, *князей русскихъ* и вел. кн. Литовскаго, а также многихъ лицъ шляхетнаго сословія, на села и имѣнія, пожертвованныя монастырю, скрылся неизвѣстно куда, не возвративъ бумагъ и грамотъ.

есми за себе въ малженство дочку князя Андрея Михайловича Сопкгушковича Кошерскаго, старосты Луцкаго, маршалка его корол. милости, княжну Ганну". Взялъ за нею посагъ, но когда развелся съ нею, „то князя Андрея за тое внесене дочки въ домъ его, Богуша, за все про все переднялъ". (Arch. Sang. IV, № 360). Бопецкій приписываетъ Андрею Михайловичу другую дочь *Василису*, бывшую замужемъ за княземъ Андреемъ Соколинскимъ (Pocz. rod. lit. 296, сравн. Жизнь Курбскаго на Литвѣ и Волыни, т. I, стр. 160).

Князь *Александръ Андреевичъ Сангушковичъ*. Въ 1535 году по просьбѣ гетмана Юрія Николаевича Радивила король Сигизмундъ I-й далъ ему въ держанье замокъ Гомей, т. е. Гомель [1]) (Рос. Вивліофика, изд. Полеваго, т. I, стр. 168. Arch. Sang. IV, № 17). Женился на дочери князя Василія Андреевича и Оксиньи Полубинскихъ Аннѣ, которая по неизвѣстной причинѣ развелась съ нимъ и вышла за Николая Завишу, а по смерти послѣдняго—за Размуса Довкгирдовича, вслѣдствіе чего возникъ процессъ между Александромъ и его отцомъ Андреемъ съ одной стороны, а Полубинскимъ съ другой, въ 1533 г., о возвратѣ движимости, отобранной Полубинскимъ (Arch. Sang. III, № 442). „Княжна Ганна, не хотячи за княземъ Александромъ быти в малженстве, утекла ся до отца своего, абы съ нимъ розвел. Князь Василей, разводячи дочку свою княжну Ганну съ княземъ Кошпрскимъ, не мало былъ на то наложил, за который же накладъ свой князь Василей з дочкою своею княжною Ганною ростыржку мелъ". Послѣдовала угода, по которой Василій съ сыновьями описалъ имѣніе Глыбокое Ганнѣ въ 1000 копъ грошей (Arch. Sang. IV, № 414). Разведясь съ Полубинскою, Александръ Андреевичъ женился на княжнѣ Настасьѣ Васильевнѣ Зблинской, вдовѣ по князѣ Федорѣ Вишневецкомъ. Король Сигизмундъ въ 1535 г. утвердилъ за нею запись въ ея пользу перваго мужа. Въ 1540 г. князь Александръ Кошерскій, съ дозволенія отца своего Андрея, обмѣнялъ на половину имѣнія Перемпля (въ Луцкомъ повѣтѣ), который сообща держалъ съ Иваномъ Михайловичемъ Вишневецкимъ, уступившимъ эту половину, на третью часть имѣнія Деречинскаго въ Слонимскомъ повѣтѣ, доставшагося въ раздѣлъ его отцу Андрею отъ сестеръ его рожоныхъ, „яко отчичовъ того именья и отъ мужей ихъ", и третью часть двора Щарьи (Arch. Sang. IV, № 198). Въ 1562 г. Александръ Андреевичъ Сапгушковичъ Кошерскій продалъ пріобрѣтенное у королевы Боны въ 1544 году Андреемъ Михайловичемъ имѣніе Речицу Савицкому (Шташ. Опис. метр. лит. 240, 241). Въ дарственной записи слугѣ своему Ивану Перевѣскому 1565 г. Александръ Андреевичъ упоминаетъ о небожчикѣ отцѣ своемъ князѣ Андреѣ Сангушковичѣ, старостѣ Луцкомъ, которому долго служилъ Перевѣскій, и сынѣ

---

[1]) И въ нашихъ лѣтописяхъ Гомель назыв. „Гомий" или „Гомѣй".

своемъ Львѣ (Арх. Ю. З. Р. т. I, ч. 6, стр. 55—57). Н. Теодоровичъ указываетъ на актъ 25 мая 1569 г., въ которомъ Левъ Сапгушко-Кошерскій отмѣченъ въ числѣ дворянъ Волынскихъ Луцкаго повѣта, неявившихся къ присягѣ по поводу универсала короля Сигизмунда Авг. о присоединеніи Волыни къ Польшѣ [1]).

Перехожу къ отрасли Сангушковъ,—примыкающей къ Кошерской.

Князь *Андрей Александровичъ Сангушковичъ*—первоначально намѣстникъ Кременецкій, около 1500 г., потомъ Брацлавскій и Винницкій (Arch. Sang. I, стр. 119, 164 и др.), съ 1508 г. маршалокъ Волынской земли, староста Владимірскій; женатъ былъ на Маріѣ (Помянникъ Кіево-Печер. изд. Голуб. 23), сестрѣ Константина Ивановича Острожскаго. Послѣдній, уступая сыну князя Андрея Александровича Роману Андреевичу, съ разрѣшенія короля, старостство Винницкое, Брацлавское и Звѣнигородское въ 1516 г., называетъ его своимъ *сестренцемъ* (А. Ю. и З. Р. II, № 104. Arch. Sang. III, № 161). Въ духовномъ завѣщаніи 1539 г. сынъ Константина Ивановича Острожскаго Илья зоветъ другого сына Андрея Александровича Федора Андреевича своимъ *братомъ* (Arch. Sang. IV, № 162 и 167). Андрей Александровичъ, кромѣ имѣній, доставшихся ему по раздѣлу съ невѣсткой Анной, получилъ въ 1498 и 1502 г. отъ Александра Ягеллона с. Серники въ повѣтѣ Луцкомъ, съ приселкомъ Княгининъ (Arch. Sang. III, № 45). Въ 1508 г. выкупилъ староство Владимірское отъ Янушевичевой. Въ 1512 г. пріобрѣлъ Долзкъ „у земяпки Холмское в пани Стецковое Ламановое у Ядвиги и в ее сына въ Якуба,—во Владимірскомъ повѣтѣ“ (Arch. Sang. т. III, № 122). Въ 1525 г. утверждена за нимъ покупка Тагачина и Залѣсцевъ (Ib. № 285). Въ тотъ же годъ Андрей Александровичъ просилъ у короля дозволенія „на его мѣстцо сыну его, князю Ѳедору тѣмъ врядомъ маршалковскимъ Волынскимъ справовати“, ссылаясь на то, что онъ „вже естъ при старости“. Сигизмундъ, „бачачи на его старость, иж онъ вжо не дужъ на службы ездити и тымъ врядомъ справовати“, уважилъ просьбу, съ сохраніемъ, повидимому, за нимъ почетнаго титула (А. З. и Ю. З. Р. № I, 79 и 112. Arch. Sang. III, № 86). Въ 1528 г. Андрей Александровичъ числился еще старостой Владимірскимъ (Ак. Вил. Ком., т. XVIII, стр. 19), а маршалкомъ земли Волынской назывался и въ 1534 г., судя по грамотѣ Сигизмунда, данной въ этомъ году на имя его и сына его Федора (Арх. Ю. З. Р. т. I, ч. 5, стр. 29, 32). У Андрея Александровича были упомянутые выше сыновья—Романъ и Федоръ и четыре дочери, изъ коихъ *Марья* была женой князя Юрія Ивановича Гольшанскаго-Дубровицкаго. На другой дочери былъ женатъ владѣлецъ Яблочна, Сливаты и Долгобродъ Михаилъ Богушъ

---

[1]) Гор. Заславль. Истор. оч., стр. 24.

Боговитиновичъ, который по духовной 1529 г. отказалъ *шурину* своему Федору Сангушковичу „шубу оксамитную черную съ пуговицами позлотистыми“ (А. З. Р. и Ю. I, № 91). Бонецкій, по другимъ источникамъ, считаетъ ее второю женою Богуша Михаила Богушевича Боговитинова, называя ее Федіей (Pocz. rod., стр. 11 и 298). Жена Богуша Боговитиновича въ грамотѣ Сигизмунда 1-го 1538 г. зовется *сестрою* Федора Андреевича, а въ грамотѣ 1542 г. именуется *Федя* Андреевна Санкгушковича (Arch. Sang. IV, № 128 и 264). Третья дочь—*Анна* состояла замужемъ за воеводой Подлясскимъ Иваномъ Сапѣгой [1]). Въ грамотѣ Сигизмунда Августа 1546 г. изложено: „Била намъ чоломъ пани Ивановая Сопежиная пани Ганна Андреевна Сонкушковна з сыни своими Иваномъ а Михаиломъ а Павломъ Ивановичи Сопежичи и поведили передъ нами: ижъ мужъ ее, а отецъ ихъ панъ Иванъ Сопега межи именей своихъ русскихъ—Полоного а Племницы и Островна надъ р. Мощеницею тверженицу вчинилъ и замочокъ збудовалъ, который дей замочокъ отъ Витебска въ 10 миляхъ естъ, а отъ Орши въ десятижъ миляхъ а отъ Полоцка въ 20 миляхъ“ (Arch. Sang. IV, № 402). Четвертая дочь *Олена* была за княземъ Петромъ Тимофѣевичемъ Масальскимъ. По смерти отца своего Андрея Александровича Сенкгушковича Олена и Петръ Масальскіе въ 1536 году просили Федора Андреевича Сангушку, чтобы онъ имъ выправу далъ. Такъ какъ скарбу ему не досталось, то онъ отъ своихъ щедротъ удѣлилъ имъ 100 копъ грош. лит. въ добавокъ къ вѣну въ 200 коп. грош., полученныхъ отъ покойнаго отца (Ib. № 35).

Кн. *Романъ Андреевичъ Александровичъ*. Въ 1515 г. Сигизмундъ 1 увѣдомилъ князя Андрея Александровича, что далъ сыну его Роману села Болблово, Соловичи и дворъ Турейскъ во Владимірскомъ повѣтѣ (Arch. Sang. III, № 154 и 157). Романъ погибъ въ 1516 г. въ битвѣ съ татарами. По смерти его всѣ упомянутыя имѣнія были переданы королемъ князю Андрею Александровичу Сангушкѣ (Ib. № 180). Въ грамотѣ 1517 г. сказано, „что земянинъ Волынскій Яцко Зубовичъ съ женою, бездѣтные, „взяли были собѣ *за сына мѣстъ* небожчика... старосту Брацлавского и Винницкаго князя Романа Андреевича“ и записали ему свое имѣніе. Потомъ тотъ земянинъ.. „самого князя Андрея собе *за сына мѣстъ* взялъ“. Сигизмундъ 1 разрѣшилъ такое усыновленіе *водле обычая тамошнее земли*“ (Ib. № 156).

По пресѣченіи, въ началѣ XVI в., рода князей Кобринскихъ, въ лицѣ Вацлавовой Костевичевой, трое Сангушковичей, князья Андрей Александровичъ „съ братаничи своими“ Андреемъ и Василіемъ Михайловичами домо-

---

[1]) Дочь ихъ Настасья—жена Кузьмы Ивановича Заславскаго. Въ записи на Пересопницкомъ евангеліи она является подъ двумя именами — Параскевы—Настасіи, а Іоаннъ Федоровичъ Четвертинскій называется ея зятемъ. Упоминается жена послѣдняго Евдокія (Литер. Сб. 1887 г. Львовъ, стр. 221).

гались наслѣдства Кобринскаго — имѣній Грушева и Череватицы по своей *сестрѣ*, женѣ Вацлава Костевича Аннѣ [1]), мотивируя свои притязанія тѣмъ, что она владѣла означенными Кобринскими имѣніями, „какъ правая отчичка и дѣдичка“, и что по ея смерти не осталось, кромѣ ихъ, никого близкихъ. Королевскимъ рѣшеніямъ 1522 г. Грушево и Череватицы были присуждены Сангушкамъ по близкости (Arch. Sang. III, № 240 и 246), но вслѣдствіе. вѣроятно, чинимыхъ Кобринскихъ боярамъ притѣсненій (Ib. № 253) и по протесту королевы Боны, дѣло приняло иной оборотъ. Сангушковичи заявили королю Сигизмунду, какъ значится въ выданномъ по сему поводу судномъ листѣ отъ 1528 г., что Анна записала тѣ имѣнія мужу сначала въ видѣ вѣна, потомъ третью часть, а затѣмъ на вѣчность, вопреки обычая и права земскаго. Съ своей стороны королева Бона ссылалась на передачу ей Кобрина по особой грамотѣ и на то, что Сангушковичамъ никакія наслѣдственныя права на Кобринскую волость не принадлежатъ, ибо главное имѣніе Кобринъ король Казиміръ на себя взялъ, а княгинѣ Семеновой въ вѣно далъ держать Грушево и Череватицы, записанные ей мужемъ. „А которые двѣ дочки у князя Семена Кобринского остались,— одна была за княземъ Федоромъ, а другая за княземъ *Иваномъ Васильевичемъ Краснымъ*, Марья, и княгиня Семеновая записала вѣно свое той дочкѣ своей княгинѣ Федоровой Аннѣ“. Совѣтъ, составленный изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, считая имѣнія, которыя держала дочка Семеновая, жена Вацлава, не вотчинными, но вѣновыми,—„а другая сестра ея княгиня Ивановая Красного къ тому ничего не имѣла, а князья Сангушковичи, будучи съ тѣми княгинями (своими сестрами) въ *четвертомъ поколѣніи*, къ тѣмъ имѣніямъ никакого наслѣдственнаго права не имѣютъ“,—положили присоединить Грушево и Череватицы къ Кобрину согласно съ первою дарственною записью, а князьямъ Сангушковичамъ приказали „вѣчное молчаніе въ томъ мѣти“. (Rod. Ged., 141—143, Arch. Sang. III, № 354).

Въ приведенномъ мною сокращенномъ рѣшеніи двѣ дочери Семена Кобринскаго Марія и Анна названы *сестрами* Андрея Александровича, Василія и Андрея Михайловичей, хотя онѣ приходились сестрами только первымъ двумъ и, будучи тетками Андрея Михайловича, только съ первыми двумя состояли въ четвертомъ поколѣніи, а по отношенію къ Андрею Александровичу Василій и Андрей Михайловичи названы оба *братаничами*, хотя строго говоря, только Андрей Михайловичъ приходился ему братаничемъ (сыновцемъ), Василій же Михайловичъ былъ двоюродный его *братъ*. Оче-

---

[1]) Грушево и Череватицы были записанны Аннѣ матерью ея Ульяной Семеновой Романовича при выходѣ въ замужество, первымъ бракомъ, за Федора Ивановича Владиміровича Бѣльскаго (Arch. Sang. I, 102, ср. Wolff Rod. Ged., стр. 137 и слѣд.). Замокъ Кобринъ съ волостью данъ Вацлаву Костевичу 1519 г. Сигизмундомъ 1-мъ (Arch. Sang. III, № 197).

видно, выраженіе „братаничъ“ употреблено въ широкомъ смыслѣ однолеменника, подобно тому распространенному значенію, какое придается иногда актами братьямъ и сестрамъ. Въ „Припоминаніи князей Кошерскихъ на князей Сангушковичовъ 1512 г..“ сказано: „Припоминали господару королю... князь Андрей Александровичъ зъ *братаничомъ* своимъ, княземъ Андреемъ Михайловичомъ Кошерскимъ, жалуючи на *дядка* своего князя Михаила Санкгушковича и на его сыновъ—князя Япуша а князя *Василья* о имѣнія ихъ“... (Pocz. rod., 293, примѣч., Arch. Sang. III, № 119). Первое рѣшеніе по Кобр. дѣлу озаглавлено: „Вырокъ князю Андрею Александровичу а князю Василію и князю Андрею Михайловичамъ *Санкгушковича*“, хотя Андрей Михайловичъ былъ правнукъ Сангушки (Rod. Ged. 140 и прим. 2).

Нѣкоторые (Максимовичъ, Бонецкій и др.) отожествляютъ Ивана Васильевича Краснаго съ отцомъ Константина Острожскаго Иваномъ Васильевичемъ. Къ такому же убѣжденію склоняется повидимому и Вольфъ (Rod. Ged., 137, прим. 3). Попытаюсь доказать ошибочность этого мнѣнія. По неопровержимому документальному свидѣтельству Иванъ Васильевичъ Красный называлъ Федора Львовича Воротынскаго, женатаго на княжнѣ Маріи Корибутовнѣ, своимъ дядей (*вуемъ*), слѣдовательно былъ сыномъ сестры Федора Воротынскаго [1]) (ср. Rod. Ged. 154). Женатъ былъ Иванъ Васильевичъ Красный первымъ бракомъ на дочери двоюроднаго брата Константина Ив. Острожскаго, князя Ивана Юрьевича Заславскаго Марьѣ, которой въ 1492 г. [2]) записалъ имѣнья Бобръ и др., а вторымъ бракомъ — на Марьѣ же, дочери князя Семена Романовича Кобринскаго и Юліанны Семеновны Гольшанской, приходившейся родной теткой отцу первой жены Константина Ивановича Острожскаго Татьяны, дочери Семена Юрьевича Гольшанскаго (Rod. Ged. 129 и 141—143, прим., ср. Pocz. rod. lit. 135).

Посмотримъ теперь—на комъ былъ женатъ отецъ Константина Ивановича Иванъ Васильевичъ Острожскій, ни въ одной изъ дошедшихъ до насъ его грамотъ не присвоивавшій себѣ прозвища „Красный“. Сестра второй жены князя Ивана Васильевича Краснаго Маріи Анна Семеновна выдана была въ 1481 г. за князя Федора Ивановича Владиміровича Бѣльскаго, а затѣмъ вышла вторично за Вацлава Станиславовича Костевича (Rod. Ged. 137, 138 и Pocz. rod. lit. 8). Вольфъ признаетъ неизвѣстную

---

[1]) Федоръ Воротынскій вмѣстѣ съ женою, внукою Ольгерда, дочерью Корибута Мариною, вписанъ въ Кіево-Печер. помянникъ (Изд. Голубева, 31). Дочь Федора Воротынскаго Марья была замужемъ за Иваномъ Васильевичемъ *Ярославичемъ* (Rod. Ged. 30, Pocz. rod. lit. 389). Семенъ Федоровичъ Воротынскій приписанъ въ Кіев.-Печер. помян. къ роду Сангушковъ (стр. 23).

[2]) Бонецкій указалъ на ошибку Вольфа, отнесшаго сію записъ къ 1516 г. (Pocz rod. lit. 135, 231).

ему по имени сестру Федора Ивановича Владиміровича, состоявшаго въ бракѣ съ дочерью князя Андрея Ивановича Гольшанскаго, дочь Ивана Владиміровича Бѣльскаго, женою князя Ивана Васильевича Острожскаго (Rod. Ged. 105). Въ Кіево-Печерскомъ помянникѣ записанъ родъ „княгини Ивановое Володимеровича *Василисы Бѣльской*, начинающійся съ князя Андрея (Изд. Голубева, 24). Грамота Сигизмунда I и актъ Константина Ивановича Острожскаго отъ 1522 г. объясняютъ, что *бабкой* послѣдняго была *Василиса Ивановая* Володимеровича Бѣльская, державшая, какъ и ея сынъ, небожчикъ князь Семенъ Бѣльскій, имѣнье Смолияны въ Оршанскимъ повѣтѣ, которое затѣмъ пожаловано Константину Ивановичу (A. З. Р. II, 118 и Arch Sang. III, № 248). Семену Ивановичу Володимеровичу Смолияны были даны Казиміромъ Ягеллономъ по смерти его матери въ 1484. (Arch. Sang. I, № 134). І. Вольфъ основательно выводитъ изъ приведенной грамоты 1522 г., что дочь Ивана Владиміровича была женой князя Ивана Васильевича Острожскаго и матерью славнаго Константина (Rod. Ged. 105). Такимъ образомъ жена Ивана Владиміровича Василиса была *мать матери*, т. е. жены отца Константина Острожскаго Ивана, неизвѣстной по имени [1]). Василиса Ивановая не могла приходиться бабкой Константину Ивановичу по его *отцу* потому, что дѣдъ его—отецъ Ивана Острожскаго Василій былъ женатъ на Ганкѣ, она-же Агафья. Въ грамотѣ 1428 г. сказано: „Мы, великій князь Витовтъ... записали есмо княгине *Ганце*, коли дали есмо за князя *Василія* Острозскаго, село Новоставце съ приселки Илинъ“... и пр. Въ грамотѣ же 1461 г. говорится: „Се я княгиня *Василевая Агафья* [2]) дала есмо по моемъ животе дочце своей панеи Ивановой Аграфине моихъ особныхъ две селе, што ми князь велики Витовтъ далъ даючи мене за мужъ,—Новоставце и Илинъ... При томъ былъ сынъ мой Юри *Василевичъ* Острозскій“ (Arch. Sang. I, стр. 29 и 53). Есть указаніе на послѣдовательный переходъ этихъ селъ отъ одной дочери Василія Острожскаго къ другой. Въ 1516 г. Сигизмундъ 1-й разрѣшилъ Константину Ивановичу Острожскому выкупить Новоставецъ и Илинъ,—„штожъ дѣдъ его князь Василей Острозской далъ былъ за дочкою своею, а его милости (Константина) теткою княжною *Катериною*, даючи за пана Паца, которое имене тетка его заставила... Юхну Зенковичу“ (Arch. Sang. III, № 165), Выкупъ утвержденъ въ 1522 г. (Ib. № 237). Въ помянникѣ Кіево-Печерскомъ къ роду Острожскихъ приписана Агафья вслѣдъ за *Василисой* (изд. Голубева, стр. 11 и 79),—

---

[1]) Слѣдовательно, кромѣ показанной Бонецкимъ, также неизвѣстной по имени дочери Ивана Владиміровича, жены Ивана Ходкевича, (Pocz. rod. 8) была еще другая дочь, показанная Вольфомъ въ генеалогич. таблицѣ (стр. 135).

[2]) Агафья можетъ быть имя монашеское Анны или Ганки. Такъ напр. „Barbara alias Vaszka“ (Arch. Sang. I, 65), жена князя Михаила Ивановича Мстиславскаго, носила два имени Іулiанна и Василиса (Бѣлорусск. арх. № 8 и 9 и примѣч. издателя) и т. п.

но есть ли послѣдняя именно бабка Константина Ивановича, утверждать не рѣшаюсь, тѣмъ болѣе, что на основаніи одной записи жена знаменитаго предка его Даніила звалась также будто-бы Василисой:—„Се язъ князь *Данило* и съ княгинею *Василисою* и съ дѣтьми нашими придалисьмы землю на имя Чепель... ко св. Николѣ Острозскому“ и т. д. (М. Максимовичъ Письма о кн. Острожскихъ, стр. 8).

Представивъ генеалогическія данныя, въ силу которыхъ нельзя смѣшивать двухъ Ивановъ Васильевичей—Краснаго и Острожскаго, перехожу къ князю *Федору Андреевичу*, внуку Александра Сангушковича. Федоръ Андреевичъ пріобрѣлъ отъ дяди своего Василія Сангушковича Ковельскаго (въ 1533 г.) Мелецъ съ Мелецкимъ монастыремъ и принадлежащими къ нему селами Комаровымъ и Соловьевымъ, въ обмѣнъ на с. Мостище, доставшееся его, Федора, отцу Андрею Александровичу по раздѣлу 1502 г. съ невѣсткою послѣдняго княгинею Михайловою Александровича Сангушковича Анною и сыномъ ея Андреемъ Михайловичемъ (Arch. Sang. I, стр. 147). „Князь Василей напротивку того“, писалъ Федоръ Андреевичъ, „поступилъ мнѣ монастыра своего св. Николы съ тымъ, какъ ся тотъ монастыръ и тыи два села *здавна* и нынѣ сами въ собѣ и въ границахъ своихъ маютъ“ (А. Ю. и З. Р. I, № 97 и (Arch. Sang. III, № 463). Сдѣлка, въ силу другихъ условій обмѣна имѣніями, утверждена королевой Боной 1533 г. (Arch. Sang. III, № 450). Переговоры между Василіемъ Михайловичемъ и братомъ Андреемъ Александровичемъ о мѣнѣ начались 1522 г. „А што ся доты-

четъ монастиря Мѣлецъ“, — говорится въ актѣ змовы, — „отколяжъ еси мѣлъ болшую кривду, я, князь Василей, маю князю Андрею поступити тотъ мой монастыръ и з людми и з наданями монастырскими, што предки наши надали“... въ обмѣнъ на то, что будетъ указано постановленіемъ полюбовныхъ судей (Arch. Sang. III, № 238). Федоръ Андреевичъ, не менѣе своего отца заботился объ обезпеченіи монастыря Мелецкаго, чему доказательствомъ служитъ не одна извѣстная запись 1542 г., но и духовное его завѣщаніе. Грамотой Сигизмунда 1529 г. Федоръ Андреевичъ назначенъ намѣстникомъ Владимірскимъ (Arch. Sang. III, № 361), а грамотою 1531 г.—старостой Владимірскимъ (Ib. № 419). Во многихъ актахъ онъ титулуется маршалкомъ Волынской земли и послѣ 1531 г. старостой Владимірскимъ, напр. въ актѣ 1536 г. (Сб. палеогр. снимковъ Вил. ком., № 22). Въ 1536 г., совершена мѣновая запись Федора Андр. съ королевой Боной имѣнія Ставрова на имѣніе Лепесовку (Пташ. Опис. метр. лит., 240). Въ 1540 г. Сигизмундъ I-й утвердилъ покупку Федоромъ Андреевичемъ имѣнія Песочно у Гнивоша Ив. Песочинскаго (Arch, Sang. IV, № 209). Въ 1545 и 1546 г. онъ называется также старостою, Брацлавскимъ и Винницкимъ, маршалкомъ земли Волынской (Пам. Кіев. Ком., т. IV, отд. 2, стр. 5). Піобрѣлъ покупкою въ 1533 году им. Хо-о пице (Arch. Sang. III, № 439), а въ 1543 г. у князей Четвертинскихъ—

села Уйму, Локачи и Цевличи во Владимірскимъ повѣтѣ (А. З. и Ю. З Р. I, № 112. Arch. Sang. IV, № 252). Около этого времени состоялось коммисарское рѣшеніе по жалобѣ жителей королевскихъ имѣній Черничи и Маневичъ на притѣсненія княземъ Федоромъ Андреевичемъ Сангушковичемъ (Опис. лит. метр. 241). Ему же принадлежало пограничное съ Короною Влодавское имѣніе, перешедшее со многими другими къ сыну Роману (А. Вил. ком. VI, 89, 151 и др.; Arch. Sang. VI, № 166), Несухоѣже и проч., нерѣдко упоминаемые въ актахъ. Изъ записи Федора Андреевича, въ евангеліи, отъ 1542 г. мы узнаемъ, что свой Мелецкій монастырь онъ преобразовалъ въ общежительный и построилъ при немъ церковь св. Николая (Опис. рукоп. Вил. публ. библ., 233, Арх. Ю. З. Р. I, 1, № 3 и 89; Arch. Sang. IV, № 254). Въ томъ же году „маршалокъ Волынской земли, староста Володимерскій“, Федоръ Андреевичъ Санкгушковичъ издалъ декретъ о возстановленіи нарушенныхъ княземъ Масальскимъ правъ архимандрита Жидичинскаго Варсонофія на церковную Рудлевскую землю (около р. Иквы) и на десятину съ имѣнія его Торговицкаго Берега (Арх. Ю. З. и Р. т. VI, ч. 1, № 16). Въ ревизіи Владимірскаго замка 1552 г. Федоръ Андреевичъ показанъ умершимъ: — „Прочилъ собе Турейско *небожчикъ* князь Федоръ Сангушковичъ... Турейско замокъ и мѣсто и къ нему 17 селъ взялъ князь Федоръ Сангушковичъ“... Тутъ же сдѣлана отмѣтка о взятіи имъ части гаковницъ на замокъ его Локачи. — Родъ князя „Федоровъ Андрѣевича Санкьгушковича“, внесенъ, для помиманія усопшихъ его членовъ, въ помянникъ Супрасльскаго монастыря, заключая въ себѣ около 50 именъ (Вил. Арх. Сб. т. IX, стр. 457). Повидимому, первоначальный списокъ умершихъ членовъ сего рода пополнялся до XVII в., по мѣрѣ того, какъ православные Сангушки отходили въ вѣчность.—Федоръ Андреевичъ былъ женатъ на Аннѣ Деспотовнѣ, дочери Валашскаго господаря [1]) и имѣлъ, какъ видно изъ его завѣщанія отъ 9 октября 1547 г., которое, по его важности, я приведу въ сокращенномъ видѣ, сыновей Димитрія, Андрея, Романа и Ярослава и дочерей Федору и Марину: — „Тело мое мает быти положено въ Печерскомъ монастырѣ, у св. Пречистое въ Кіеве, *съ предки* моими“. Жену и дѣтей поручаетъ опекѣ Яна Глѣбовича, Николая Радивила, Ивана Горностая... „а брати моей, кревным моим князю Василю Костентиновичу Острозскому а *евстрицомъ* моимъ князю Александру а князю Ивану Федоровичамъ Чорторыскимъ“... По душѣ завѣщаетъ дать на вѣчный сорокоустъ: Печерскому монастырю, — „въ церков соборную святою Софея въ Кіеве, на монастыри св. Николы Пустынного, св. Михаила Выдубиц-

---

[1]) Оставшись вдовою въ 1548 г., она вела процессъ о Порицкѣ, данномъ мужу ея въ 1527 г. Сигизмундомъ 1-мъ (Arch. Sang. III, № 324), а въ слѣдующемъ году—съ Любецкими (Bon. Pocz. Rod. 299).

каго, св. Михаила Златоверхаго, на церковь соборную св. Пречистое и монастырь св. Троицы у месте Виленскомъ, на Супрасльскій монастырь, на церковь соборную св. Николы у Берести, на церковь соборную св. Пречистое, на монастыри св. Спаса и св. Михаила, на церковь св. Федора и замковую церковь св. Іоакима и Анны у Володимери, на монастырь св. Пречистое у Зимне, на церковь соборную св. Ивана Богуслова въ замку въ Луцку, на монастырь св. Николы у Жидичине, на монастырь св. Николы у Блажелику, на церковь соборную св. Воскресенія Христова у Несухоѣжахъ, на монастырь св. Пречистое въ Іоложовѣ и на монастырь св. Николы у Мѣльцахъ (отъ 50 до 10 копъ грошей каждой церкви и монастырю).—„А ку тому по церквамъ, у месте Володимерскомъ и по всимъ церквамъ которые суть по всимъ именямъ моимъ,—двѣ копы грошей... До образа наместныя иконы Успенія св. Пречистое у Печерскомъ монастыри у Киеве на оковане лащухъ мой золотой въ 200 золотыхъ черленыхъ. А што ся тъкнет монастыря св. Николы у Мельцахъ въ недобудовани церкви муру и у недостатку святостей, образовъ, книгъ и ризъ и иншихъ потреб церковныхъ, тое все подлугъ потребы жона и и дѣти мои зо всих именей моихъ къ той церкви мают справить... Женѣ своей *Ганнѣ Деспотовнѣ* записую 1/3 всѣхъ имѣній на вѣчность и 600 копъ грошей литов. и 10 гривенъ сребра робленого и съ позолотою на вѣчность, на имѣніи своемъ Поворскѣ (пов. Ковельск.). Дочкѣ княжнѣ *Федорѣ* съ имѣній своихъ вѣна 1000 копъ грошей, а дочкѣ меньшей княжнѣ *Маринѣ* на имѣньяхъ 1000 копъ грошей литов“... Все серебро, разныя шубы и прочія одѣянія отказываетъ Федорѣ... Сыну *Димитрію*—шубу соболью и вооруженіе, съ тѣмъ чтобы, збруя, вехтеры, панцыри подѣлилъ съ сыновьями завѣщателя, братьею своею, князьями *Андреемъ*, *Романомъ* и *Ярославомъ* на равныя части... „Наливки серебренные меншие и 12 тарелей сребреныхъ старыхъ—до монастыря Мелецкого на потребы церковные, на крестъ, на келехи, на кадилницы и на иншие потребы церковные и до церкви соборной въ Несухоѣжахъ два полумиска сребреныхъ“... Вмѣняется въ обязанность женѣ и дѣтямъ ежегодно давать по 10 копъ грошей, согласно его прежнему дару, до *монастыря св. Павла, который есть у святой Горе...* [1]). А што предкове мои и надали на монастыр св. Николы в Мелцахъ—села Соловево, Комарово, Сыново, Ковали, два дворы Песочно и Задыбы, съ пашнями и з млынами, тое вечне и непорушне ку тому монастыру записую... А што тежъ предкове мои, отец мой и я, подали на церков соборную Воскресенія Христова въ Несухоежах, село Дороготѣши,

---

[1]) Святогорскій монастырь, повидимому, изслѣдователямъ церковной старины не былъ доселѣ извѣстенъ по названію (ср. Е. Дверницкій. Памятн. др. правосл. во Влад.-Вол. стр. 33).

то село от тое церкви не мает быти отдалено. И на иншие церкви по всимъ именямъ моимъ, што будет еще за предков моих и я надал... тые вси речи якъ от монастыря моего Мелецкаго, такъ и отъ иншихъ церквей наданя моего абы ничого не порушено“... Уплату долговъ своихъ поручаетъ женѣ и дѣтямъ, — „абы того ничого на моей души не залегло“. (Arch. Sang. IV, № 430).

Димитрій Федоровичъ по смерти отца былъ назначенъ старостою Каневскимъ и Черкасскимъ и прославился въ борьбѣ съ татарами (И. Шараневичъ. Гальшка княжна Острожская, 24). Его имя встрѣчается въ описи Владимірскаго замка. Интересны его романическія отношенія къ Гальшкѣ Острожской, завершившіяся въ 1554 г. трагическою смертью его отъ руки убійцы—Мартина Зборовскаго, какъ значится и на могильномъ памятникѣ Димитрія.

Князь *Андрей Федоровичъ* упоминается въ жалобѣ Холмскаго владыки Феодосія 1559 г. (Акт. Вил. Ком. т. XIX, № 164).

Третій сынъ Федора Андреевича *Романъ Федоровичъ Сангушко*—воевода Брацлавскій, гетманъ дворный вел. княж. литовскаго, староста Житомірскій, державца Речицкій. Почти полувѣковая выдающаяся государственная дѣятельность Романа Сангушки, военные подвиги[1]) и заслуги его, какъ постояннаго покровителя православія и литовско-русской народности, стяжали ему почетное мѣсто въ исторіи. — До конца своей жизни не переставалъ онъ снабжать православные церкви и монастыри богатыми фундушами. Одна изъ послѣднихъ его записей сдѣлана 10 мая 1569 г. Михайловской церкви г. Владиміра-Волынскаго[2]). Памятна также пламенная рѣчь, произнесенная имъ на Люблинскомъ сеймѣ 1569 г., въ которой онъ умолялъ Сигизмунда Августа сохранить независимость Литвы, поставляя ему на видъ доблести своихъ предковъ, оставившихъ ему въ наслѣдіе обширныя имѣнія вмѣстѣ съ безпредѣльною преданностью своимъ государямъ, и т. д.[3]). Въ ту пору Романъ былъ уже старъ и удрученъ тяжкимъ недугомъ, скоро затѣмъ сведшимъ его въ могилу. Уже 4 апрѣля 1569 г. увѣдомлялъ онъ короля письмомъ изъ Володавы о невозможности немедленно пріѣхать къ нему „по неспособности здоровья, на которое, какъ онъ выражался, — „я зъ воли Божъе злѣ мамъ“ (А. Ю. и З. Р., т. I, № 152). Супруга Романа Федоровича, дочь Григорія Ходкевича и Екатерины Ивановны Вишневецкой, внука

---

[1]) Онъ участвовалъ, между прочимъ, въ блестящей побѣдѣ, одержанной 1564 г. при Улѣ, близъ Полоцка, Радивиломъ надъ войсками Шуйскаго. Документы, касающіеся этой битвы, собралъ кн. Оболенскій. См. Историч. соч. и акты, относящ. до Россіи. 1847 г. прилож. II, стр. 13.

[2]) Е. Дверницкій. Пам. древн. правосл. во Влад. Вол., стр. 29.

[3]) Дневн. Любл. сейма, изд. М. Кояловича, стр. 396—397.

Александра Ходкевича [1]) Александра скончалась гораздо ранѣе своего мужа. Бонецкій приводитъ состоявшійся въ 1593 г. декретъ Люблинскаго трибунала объ имѣніяхъ Моравица и Княгининъ, принадлежавшихъ „нѣкогда“ Роману и Александрѣ Григорьевнѣ Ходкевичевнѣ князьямъ Сангушкамъ (Pocz. rod. lit., 24). Умеръ Романъ Федоровичъ въ Мазовецкомъ мѣстечкѣ Рожанѣ, гдѣ имъ 10 мая 1571 г., въ присутствіи Александра Григорьевича Ходкевича и др. свидѣтелей явлено духовное завѣщаніе, составленное на русскомъ языкѣ, но занесенное въ мѣстныя гродскія и земскія книги по-польски [2]).—Завѣщаніе Романа Сангушки замѣчательно не только какъ памятникъ юридическій и историко-литературный, но и какъ наилучшая характеристика душевныхъ качествъ его свѣтлой личности. Послѣ обычнаго вступленія Романъ Сангушко поручаетъ душу свою „Богу Сотворителю во Тройцы единому, а тело мое грешное“, говоритъ онъ, „маетъ быти похованo въ монастыру моемъ отчизномъ Мелецкомъ. На убозство и на шпитали розные и къ тому на церкви, на вси обыходы церковные, которые водлугъ закону нашого хрестиянского *греческого* належать, маетъ быти дано 150 копъ грошей Литовское личбы. Што ся дотычеть опеки напрод господарини и матухне моей милой княгини Анне Деспотовне и дѣткамъ моимъ милымъ, сыну моему Федору а дочкамъ моимъ Марухне, Олесце (Александрѣ) и Федорце, то все поручаю въ опеку напрод пану Богу, потомъ ихъ милостямъ... Григорю Александровичу Ходкевичу,... княжати Костентину Костентиновичу Острозскому воеводе Кіевскому... маршалку... Петру Богдановичу Загоровскому а княжати Костентину Ивановичу Вишневецкому... Дѣтки мои вси сполечне маютъ быти уставичне хованы при господарини и матухне моей где въ которомъ имению ее милост мешкати похочеть, а што ся дотычет сынчка небожчика князя Льва Санкгушковича Кошерского брата моего, который на сес час ест въ опецѣ моей на имя князь Григорей, ино и тое дитятко мает быти з сыномъ моимъ княземъ Федоромъ до лет его зуполныхъ сполечне ховано в такой же учтивости и въ достатку, яко и сынъ мой влостный; а што ся дотычеть именей его отчизных, которые по отцу его зосталые суть въ опеце... княжати воеводы Киевского и моей... а не только тые именя которые теперь в держаньи нашомъ суть,

---

[1]) Александръ Ходкевичъ, строитель Супрасльскаго монастыря (А. Вил. Ком. VII, 1), былъ женатъ на дочери Ивана Васильевича Ярославича Василисѣ (Вил. Арх. Сб. IV, 207). Въ Супрасльскомъ помянникѣ записаны и его родъ и родъ Василисы. Въ послѣдній внесена Александра *Романовая* (Вил. Арх. Сб. т. IX, стр. 456).

[2]) Оно не напечатано. У меня есть выписи и того другого. Одна извлечена мною изъ Плоцкаго архива древнихъ актовъ (что нынѣ присоединенъ къ Варшавск. главн архиву), другая изъ Кіевскаго центральнаго архива, кн. № 960. Завѣщаніе внесено во Владимірскія книги лишь въ 1582 году по иниціативѣ Константина Константиновича Острожскаго. Сравн. примѣч. къ 2 отд. т. III пам. Кіев. Ком. стр. 187.

але которые еще... якимъ кольвекъ способомъ за живота небожчика князя Кошерского суть заведеные могли бы ся през старане... княжати воеводы Киевского отискати, мают быти въ опеце и владности его милости до лѣтъ зуполных того дитяти. Всхочетъ ли теж... княжа воевода Киевский сыначка князя Кошерского отъ ее милости княгини матухны моее взяти и з детми своими его ховати, то нехай будетъ на воли его милости, а иж я маючи сполную повинную братерскую милость зъ его милости годное памети князем Львомъ Санкгушковичомъ Кошерскимъ, которое милости своее ку мне знак небожчикъ за живота своего въ домъ мой зоставилъ тымъ способомъ, иже где бы уховай Боже на сыначка... князя Григоря Санкгушковича без потомства час смертельный прийти мелъ, тогды князь Лев Кошерский братъ мой вси именья свои отчизные и материстые и якимъ кольвек правомъ набытые по зоистью з сего свѣта без потомъства сына своего мнѣ брату своему и потомству моему вечне записал, а меновите замок Кошер, замок Горухов, замок Камен з месты и дворы и селы з кгрунты з людми и всими пожитками к нимъ прислухаючими, которые... на тестаменте остатнее воли небожчиковское описаномъ доложона есть, а прото я Романъ Санкгушко... по своей доброй воли з целого умыслу моего маючи упреймую милость мою повинную до сына небожчиковского до князя Грігоря и памятаючи же со мною ест з одного дому и уживаючи одного гербу, с тых причин хочу... естли бы по моемъ животе сынъ мой княз Федор з сего света сшол, потомства по собе не зоставивши, тогды даю —дарую... князю Григорю Санкгушковичу Кошерскому самому, детемъ и потомкомъ его... 20.000 копъ грошей личбы Литовское на именью моемъ отчизномъ Несухоежскомъ замку, месте и на всей волости тамошней... выймуючи только монастыр мой Мелецкий отчизный же з селы [1]) тыми, которые ку нему от продковъ моих суть наданы, абы былъ при иншой отчизне моей въ держанью того кому то на он часъ будетъ належало, только въ такового, хто бы был закону нашого хрестиянского *греческого*, а на другомъ именью моемъ Черньгородскомъ и селах къ нему належачих, которое именье з ласки короля его милости за учтивые и з ласки Божоей значные службы мои в домъ мой пришли... съ которых именей не маетъ нихто с потомковъ моих неотдавши тое сумы пенезей князю Григорю Кошерскому або детемъ и потомъкомъ его милости рушати и никоторое переказы въ держанью и вживанью его милости чинити, а естли бы дочки мои вси три альбо которая колвекъ з них доросши лет своих въ малженство отдавана была, тогды... княз Кошерский с тое сумы пенезей... маетъ дочкамъ моимъ при отдаванью их в малженство кождой дати пенезьми готовыми посагу по 1000 копъ грошей и выправы по другой 1000 копъ грошей... а з ыменей моих

---

[1]) Въ моей копіи стоитъ „лесы“ вѣроятно по ошибкѣ.

отчизныхъ тымъ же... особливо дано быти маетъ кождой по 1000 копъ грошей личбы Лит. а по три цукги возниковъ, а к тому речи рухомые малжонки моее зошълое, матки их княгини Александры Ходкевичовны, которые вси въ целости сут, мает ее милост княгиня матка моя за вѣдомостью пановъ опекунов имъ отдати, а естли бы сына моего князя Федора до того часу, поки тые дочки мои въ малженство выдаваны будутъ, панъ Богъ въ добромъ здоровъю заховалъ, тогды сынъ мой князь Федоръ з именей моих тымъ дочкамъ моимъ... маетъ дати кождой с нихъ посагу по 1500 копъ... грошей а выправы такъже по 1500 копъ Лит. личбы и також вси тые речи рухомые... маетъ отдати, а на шпиталь мой Турейский, который початъ естъ в месте в рынку при церкви заложенью светого Спаса муровати, записую именье мое при тамошнемъ же замку лежачое село, прозываемое Ставокъ, зо всими кгрунты, людми и их повинностями, широкостями и пожитками з него належачими на вечные часы, а готовых грошей на тот же шпиталь отписую 300 копъ Лит., а особливе што небожчица жона моя 100 копъ грошей на тот же шпитал отписала, которых пенезей на то ест вже у войта тамошнево Турейского Кузмы копъ 50, абы и тот остаток был отдан, а покорне прошу милостивая пани матухно абы был тот шпиталь домурован и уфундован, а роботы тое шпитальное нехай пильнуетъ врядникъ Турейский Степан Мировицкий. Покорне прошу милостивые панове опекунове о ее милости княгиню матухну мою абы ее милост не толко на тых имешьях своих, на которых за живота моего спокойне мешкала, вольность мела, але нехай всими именьями моими владнетъ и врядниковъ установлятъ и ими росказуетъ и во всемъ вольность маетъ не иначей а ничимъ немней одно такъ яко я самъ владил. Дочки мои вси, штожъ кому винен такъ на заставы, яко и кром застав на записы на квиты, маютъ быти плачоны зъ отчизны моее через ее милост княгиню матку мою, якожъ тые дочки меновите на рейстръ списавши яко много и кому штожъ винен под печатью моею и с подъписью руки моее заставилъ есми, а хотя бы ся хто и в рейстре недоложоный зъ якимъ долгомъ озвал а показал бы на то мой записъ слушный албо довод правный, тогды и тому мает быти заплачоно. Слугамъ моимъ всимъ заслужоное и отправа мает быти учинена водлугъ рейстру моего, в которомъ я особливе каждому водлугъ воли моее и заслугъ их поменил... толко тут меновите прошу о выростъка моего Прокопа Григорьевича, абы ее милостъ княгиня матухна моя рачила его ласкаве заховати при сыну моемъ, жебы онъ сына моего на рукахъ своих мелъ и ему служилъ, а ижеж того... Прокопа, яко мне з детиных летъ своих ажъ до сего часу служил завжды вѣрною и пилною въ почтивыхъ службах его ку собе зналъ, про то абы ему зараз же при отправе иных слугъ моих было за службы его з ласки моее отправы дано 200 копъ грошей личбы Лит., еръмякъ мой сукна чорного фалюндышу, соболми подшитый, жупанъ мой фалюндышу чорного и кончер мой сребромъ, оправный позлотистый, ку тому тежъ служебнику моему Злобе Германо-

вичу которого есми службъ уставичных цнотливыхъ и статечныхъ почавши от моихъ и отъ его молодых детиных летъ аж до сего часу ку собе познал даю дарую... записую ему 600 копъ грошей Лит. личбы на именью моемъ, которое за почтивые службы мои з ласки короля его милости в домъ мой пришло на селе Бриховичах малых и великих, которое село з людьми тамошними и ихъ повинностями вшелякими и з кгрунты, широкостями, границами, власностями пожитками и доходами з него належачими... служебникъ мой Злоба держати и своих пожитковъ з него уживати, а съ тымъ именемъ сыну моему князю Федору служити. Княз Федоръ сынъ мой не маетъ отъ него самого и потомъков его того именья отдаляти, а если бы хотел его отъ него отдалити, и къ рукамъ своим мети, тогды маетъ ему албо потомкомъ его первей тую суму пенезей... отложити,... а уховай пак пане Боже смерти на сына моего такъ ижъ бы безъ потомства зъ сего света зъшол, тогды... Злоба, дети его и потомки его волни с тымъ именемъ кому хотячи служити, продати, отдати, даровати и ведлугъ налепшого подобанья своего тым селом шафовати на вечные часы, а што с дотычетъ детей князя Григоря Санкгушковича Ковелского, сына князя Андрея и дочки княжны Федоры, кревныхъ моих, которые въ опеци моей были, тые дети до летъ их... поручаю и въ опеку даю... пану Григорю Воловичу каштеляну Новгородскому, старосте Слонимскому и малжонце его милости пане Магкдалени Санкгшуковне Ковельского тедца тыхъ детей и ач колвекъ я своимъ накладом и коштомъ правуючи ся и окупуючи с немалою сумою пенезей моих властных именье их, которое было въ суме пенезей заведено, прозываемое замочокъ Горволь з местечкомъ, з селы к нему належачими у папее Кунцовичовое отискал, але не хотячи ничого тых всих накладовъ и утрат моихъ, которые такъ для того имения яко и для их самыхъ, злаща докладаючи до науки князю Ковелскому и ховаючи при собе часъ немалый принялем тым всим зъ милости моее повинное кревное, которую з ними маю ихъ дарую и тое имене Горволь зо всим им пущаю и ничого за тые вышей помененые наклады мои так сын мой и потомкове мои на них попскивати не маютъ и к тому речи их рухомые вси, которые до рукъ моих от пана Филона Кмиты Чорнобылского, старосты Оршанского, водлугъ рейстру его милости мнѣ были дошли, которых ач нешто князь Андрей ку собе побрал, але то, що ся еще зостало такъ тежъ которые шатки я ново князю Андрею и сестре его княжне Федоре за мои пенези посправлял, то все в целости маетъ имъ быти отдано, а особливе зъ милости моее повинное тоже княжне Федоре, естли бы замужъ пошла, даю и дарую з именей моихъ отчизных 300 копъ грошей Лит. личбы, возники двои, меновите фризки молодые стада моего и жеребцовъ чотыри борвистыхъ стада моегожъ, а князю Андрею Ковелскому [1])

[1]) Н. Иваншевъ ошибочно принялъ этого Андрея Ковельскаго за Андрея Мих. Курбскаго, съ которымъ Романъ Сангушко былъ будто-бы особенно друженъ (Собр. соч-

отписую цукъ возниковъ молодыхъ тисавыхъ стада моегожъ и естли бы я, Романъ Сенкгушко з воли Божое зъ сего света зъшол, а сего тестаменту моего тепер въ той хоробе моей будучи албо и потом з ласки Божое ку доброму здоровъю пришодши, сего моего тестаменту неотменил, тогды хочу мети, абы водлугъ тое остатнее воли моее во всем при моцы... былъ заховань". Въ концѣ Романъ Сангушко поименовываетъ лицъ, присутствовавшихъ при „справованю" завѣщанія: — Александръ Григорьевичъ Ходкевичъ, Францъ Жукъ, державца Тетчинскій, писарь польный Петръ Фальчевскій, подстароста Рожанскій Мартинъ Яшевскій,—„комендар костела Рожанскаго *княз* Балтромей... Объявилъ есми сес мой тестаментъ пану Михалу Богдановичу Гарабурде, писарь его королевское милости державцы Свислотскому, которого господарь корол... яко врядника своего... присяглого за чоломъбитьемъ и писанемъ моим для принятя того сознаня моего от двору своего господаръского з рамени его крол. мил. до мене здесь до местечка... Рожана присылати рачилъ и к тому везвавши есми до себе врядъ земский Рожанскій судю пана Станислава Залешского и писара земского и кгродского пана Войтеха Макгпушевского такежъ сесъ мой тестаментъ и остатънюю волю мою передъ ними есми оповедал и до книг земскихъ записати далъ".

Завѣщаніе Федора Романовича со стороны генеалогической возбуждаетъ вопросъ, не легко разрѣшимый. Въ немъ Романъ Федоровичъ называетъ Льва Александровича [1]) Кошерскаго своимъ *братомъ*, тогда какъ въ дѣйствительности Левъ Александровичъ приходился ему троюроднымъ *племянникомъ*, если только признать, въ чемъ нѣтъ пока поводовъ сомнѣваться, что Левъ Александровичъ былъ внукъ Андрея *Михаиловича* Александровича Сангушковича, а не Андрея *Александровича* Сангушковича, ибо

164, 165, прим.).—Когда по приказу Кур'скаго Ковельскіе жиды „дня суботного часу свята жидовскаго шабасу до окрутного и неслыханого везеня в яму у воду посажены были", то въ разборѣ дѣла принималъ участіе служебникъ Браславск. воеводы Романа Федор. Сангушки (Жизнь кн. Курб. на Литвѣ и Волыни т. II).

[1]) Въ польскомъ текстѣ завѣщанія Левъ двукратно названъ по отечеству *Александровичемъ*. Вообще редакція польскаго текста завѣщанія нѣсколько полнѣе. Два отдѣльныя завѣщательныя распоряженія объ отказахъ—одно Злобѣ Германовичу, другое племяннику Григорію Сангушкѣ сохранились лишь въ польскомъ текстѣ (въ русскомъ сдѣлана на нихъ ссылка). Первое мало представляетъ интереса. Сущность второго заключается въ томъ, что на случай безпотомной смерти сына завѣщателя, Федора, отказывается Григорію Львовичу родовое имѣніе завѣщателя во Владимірскомъ повѣтѣ Несухоѣжскій замокъ съ мѣстечкомъ и принадлежащими къ нему селами Боровномъ, Грабовымъ, Березовскимъ и др., а также полученныя за вѣрную службу, въ Луцкомъ повѣтѣ: Черный Дворъ съ принадлежностями и Козенице. Всѣ эти имѣнія переходятъ къ Григорію не въ собственность, но въ держанье до погашенія доходами съ нихъ записанной на нихъ въ пользу его и потомковъ суммы.

о существованіи у сего послѣдняго сына Александра и внука Льва, которые приходились бы—первый роднымъ стрыемъ, а второй двоюроднымъ братомъ Ульскому герою, въ актахъ не содержится никакихъ свѣдѣній [1]). Соотвѣтственно „братерскимъ“ отношеніямъ между Романомъ Федоровичемъ и Львомъ Александровичемъ, по выраженію завѣщателя, и Григорій Львовичъ Кошерскій, въ актахъ Люблинскаго трибунала подъ 1591 годомъ, называетъ Александра Андреевича Сангушку своимъ *дѣдомъ*, а сына завѣщателя—Романа Романовича своимъ стриечнымъ *братомъ*, въ чемъ Бонецкій усматриваетъ ошибку (Pocz. rod. 296). Согласовать это кажущееся противорѣчіе я могу лишь на почвѣ литовско-русскаго обычая *усыновленія*. Приведу примѣръ: Въ актѣ 1520 г. князь Андрей Юрьевичъ Заславскій объявляетъ, что: „взялъ есми собѣ *за сына мѣсто братанича* своего князя Илью, сына брата моего, князя Константина Ивановича Острожскаго... и по моем животѣ даю и дарую и записую *сыну моему князю Ильи* третьюю часть имѣней отчизны своее въ Ярославли и во всѣхъ имѣнях моих отчизныхъ“ [2]). (Arch. Sang. III, № 210). Полагаю, что и Романъ Федоровичъ въ завѣщаніи называетъ Льва Александровича *братомъ* своимъ въ силу усыновленія имъ, завѣщателемъ, малолѣтняго Григорія Львовича, въ видахъ взаимности, за передачу Роману Львомъ Александровичемъ своихъ имѣній отчистихъ и материстыхъ на случай безпотомной смерти сына своего Григорія. „Что ся дотычетъ сыначка небожчика князя Льва Сангушковича Кошерского, который на сес часъ ест въ опеце моей на имя князь Григорей, што тое дитятко маетъ быти з сыномъ моимъ Федоромъ... ховано... яко и сынъ мой влостный“. — Другой упомянутый въ завѣщаніи Григорій—*Ковельскій* съ дѣтьми его Андреемъ и Федорой, также какъ и сестра Григорія Магдалина Сангушковна, Ковельскаго „тедца“ (въ польскомъ текстѣ „Kowelskiego cioteczuych“) жена старосты Слонимскаго Григорія Воловича, не показаны Бонецкимъ въ генеалогіи Сангушковъ. Григорій Ковельскій никто иной какъ сынъ Василія Михайловича Сангушковича [3]), который, какъ мы видѣли, владѣлъ Гарволемъ. Дѣтей Григорія Ковельскаго завѣщатель называетъ

---

[1]) Въ Супрасльскомъ синодикѣ поминаются два Александра, изъ коихъ одинъ схимникъ, а вслѣдъ за нимъ князь Левъ. Въ синодикѣ Кіево-Печерскомъ отдѣльно записаны роды двухъ Александровъ Сангушковичей иноковъ, но изъ сопоставленія этихъ записей съ другими актами едвали можно сдѣлать выводъ о существованіи двухъ Львовъ Александровичей.

[2]) Замѣчательно, что въ этомъ актѣ главнымъ свидѣтелемъ является, по словамъ самого дарителя „господынъ отецъ нашъ архиепископъ Киръ Іосифъ, митрополитъ Киевскій и всея Руси“—митрополитъ Іосифъ помѣщенъ въ помянникѣ Кіево-Печерскомъ совмѣстно съ родомъ Острожскихъ.

[3]) Отъ первой жены Василія Михайловича Анны. Магдалина—дочь Василія Михайловича. Кромѣ ея, какъ уже сказано, были у него еще двѣ дочери Анна и Марина. Тедца значитъ тетка (Андрея и Федоры).

„кревными“ своими; въ качествѣ опекуна ихъ, онъ выкупилъ имѣніе ихъ Гарволь, перешедшее къ нимъ по наслѣдству. О Львѣ Александровичѣ мы ничего не можемъ добавить къ тому, что сказано о немъ въ завѣщаніи Романа Федоровича, какъ о владѣльцѣ Кошера, Горохова и Камеця,—за исключеніемъ развѣ факта неявки къ присягѣ по поводу универсала Сигизмунда-Августа о присоединеніи Волыни къ Польшѣ [1]).

Григорій Львовичъ, сынъ Льва Александровича, состоялъ въ 1597 г. каштеляномъ Любачевскимъ [2]), а въ 1598 г. старостой Брацлавскимъ. Свѣдѣнія о нѣсколькихъ тяжбахъ его сохранились въ актахъ Люблинскаго трибунала. Женился на Софьѣ Головщинской. Въ 1592 г. отдалъ въ заставъ имѣнія свои Мезово и Ворокомле (Арх. Ю. З. Р. I, 6, стр. 217). Вмѣстѣ съ женой въ 1594 г. отдалъ Кошерское имѣніе въ аренду жиду Аврааму Шмойловичу за 5000 злотыхъ польск., съ правомъ „вшелякіе пожитки на себя брати... бояръ путныхъ, *што съ листами ѣждчали*, также всѣхъ поддапныхъ (ихъ) судити, рядити, винныхъ и непослушныхъ подлугъ выступковъ ихъ винами и *горломъ карати*“ (Пам. Кіев. Ком. т. I, ч. 2, стр. 83). Въ 1600 г. Григорій Львовичъ съ женою даровалъ г. Горохову Магдебургское право, а въ 1601 г. отдали этотъ городъ въ аренду тому же Аврааму Шмойловичу и Герцу Перцовичу (Арх. Ю. З. Р. т. I, ч. 4, стр. 283, и № 25. Пам. Кіев. Ком. I, отд. 2, стр. 83).

Въ завѣщаніи Романа Федоровича идетъ рѣчь объ одномъ лишь, неизвѣстномъ Бонецкому, сынѣ завѣщателя Федорѣ, но у него былъ еще другой сынъ—Романъ, какъ доказываютъ приводимые ниже акты. Въ опредѣленіи 1590 г. по дѣлу Коптей приводится жалоба ихъ на разныя обиды, причиненныя ихъ крестьянамъ въ имѣніи Ополе (Форостатое) небожчикомъ отцомъ его милости вельможнаго княжати Романа Романовича Сангушки, воеводой Браславскимъ, княземъ Романомъ Сангушкой, со многими слугами, боярами и подданными его Володавскими: „Тая кривда се стала въ року семдесятомъ, о которую дей еще самъ небощикъ Василей Копоть правомъ чинити зачалъ, пана воеводу Браславского, отца его милости княжати Романа позывалъ и въ томъ же року семдесятомъ на рокахъ Михаловскихъ княжати Романа его милость въ нестанномъ здалъ“. (Акт. Вил. Ком. II, № 100, стр. 262, 273). Романъ Романовичъ Сангушко похороненъ также въ Мильцахъ, 17 декабря 1591 г. При этомъ совершилось знаменательное событіе, такъ записанное въ Холмской гродской книгѣ за 1593 г.: „Стефанъ Солуха, Кирикъ и Филонъ Дорогостайскіе, сыновья Родіона Степановича, попа церкви замка Несухоѣжскаго, съ плачемъ жаловались уряду на вель-

---

[1]) Н. Теодоровичъ. Гор. Заславль, стр. 24. І. Вольфъ ссылается на письмо Льва Кошерскаго относительно имѣній Лушнево и Олбякъ (Rod. Ged. 46, прим.).

[2]) Такъ называется Григорій Львовичъ въ актѣ раздѣла Косовскаго имѣнія между нимъ и старостой Дрогицкимъ Николаемъ Кишкой (Арх. Сб. I, стр. 205).

можнаго пана Януша, князя Заславскаго, воеводу Подлясскаго, и его жену княгиню Александру Романовну Сангушковну, воеводину Подлясскую, что они 17 декабря 1591 г. въ Мельцахъ, гдѣ на встрѣчу тѣлу покойнаго княжича Романа Сангушки выходили изъ монастыря съ владыкой и съ попами,—наславши слугъ своихъ, ихъ сѣтовавшихъ избили и оттаскали, и вещи ихъ собственныя, деньги, копи, шаты, три королевскихъ листа заручныхъ, по 2000 копъ литов. на каждомъ: одинъ противъ упомянутаго воеводы, другой противъ его жены, третій противъ Федоры Сангушковны Радзиминской, нынѣшней княгини Пронской, каштеляншы Троцкой [1]), равно грамоты, Степану Солухѣ принадлежащія... грамоты, данныя Николаю Петровичу Пиронову на села Дѣдовице и Сопотовице покойнымъ княжичемъ Романомъ Сангушкой,—бывшія при Кирикѣ, забрали, препятствуя отдачѣ тѣхъ грамотъ королевскихъ заручныхъ, которыя чрезъ вознаго и чрезъ шляхту воеводѣ и женѣ его тамъ же имѣли отдать. Притомъ самихъ Степана и Кирика въ заточенье на замокъ Заславскій отвезли и тамъ Степана 22 недѣли, а Кирика 35 недѣль въ оковахъ и тяжкомъ заключеніи держали, Филона же въ замкѣ Несухоѣжскомъ недѣлю держали подъ стражей (Акт. Вил. Ком. т. XIX, № 417, ср. № 426). Нѣсколько ранѣе, 14 октября 1591 года священникъ Несухоѣжской замковой церкви Радіонъ Степановичъ Солуха и жена его Агафья жаловались на тѣхъ же Януша князя Заславскаго и жену его Александру Романовну, что они, „наславши гвалтомъ слугъ своихъ на домъ его въ Несухоѣжахъ, уѣзда Владимірскаго, живя въ которомъ службу Божію въ церкви замка Несухоѣжскаго отправлялъ, сперва ихъ обоихъ и трехъ ихъ дочерей избили и оттаскали, потомъ избитыхъ бросили въ заточеніе того Несухоѣжскаго замка, все движимое ихъ имущество побрали. Въ этомъ заточеніи самого попа годъ и пять мѣсяцевъ, Агафью же девять мѣсяцевъ въ замкѣ держали, истязали, листы вѣчные на церковь Воскресенія Христова въ замкѣ Несухоѣжскомъ и на село Дороготечь, въ уѣздѣ Владимірскомъ, къ той церкви князьями Андреемъ, Федоромъ и Романомъ Сангушками данные, равно всѣ другіе, церкви принадлежащіе, листъ пожизненный ему, Радіону, княземъ Романомъ *Старымъ* [2])

---

[1]) Нѣсколько относящихся до Федоры актовъ сообщено Бонецкимъ (Pocz. rod. lit. 261, 296, 300 и др.). Ей по наслѣдству принадлежало село Яблочное съ знаменитымъ Онуфріевскимъ монастыремъ. Въ фундуш. зап. на этотъ монастырь 1624 г. князя Александра Пронскаго и супруги его Федоры Сангушковны она называется *дѣдичною* панею тыхъ добръ (Акт. Вил. Ком. III, № 17).—Въ 1594 г. Федора Сангушковна и съ супругомъ своимъ Александромъ Пронскимъ имѣнія Локачи, Уйму, Цевеличи, Крухиничи, Поволовиче, Холоиче, съ боярами путными и панцырными и пр., отдали на три года въ аренду „славному пану Абраму Шмойловичови жидови Турейскому и потомкомъ ихъ“ за 12.000 злот. польск. съ правомъ подданныхъ „судити, винныхъ и непослушныхъ водлугъ выступковъ ихъ безъ апеляціи до ихъ (собственниковъ) карати, бы тежъ и *горломъ*, еслибы который заслужилъ“ (Пам. Кіев. Ком., I, 1).

[2]) Срави. въ Словѣ о полку Игоревѣ: „Старому Ярославу“,—„Стараго Владиміра“.

Сангушкой и другой, также пожизненный, княгиней Анной Деспотовной Сангушковой, матерью, на церковь и село Дороготечь данные, листъ княжича Романа Сангушки на долгъ 100 злотыхъ, ему принадлежащій, въ той церкви Несухоѣжской насильственно забрали; „что 17 того же октября тѣ же лица,ославъ толпу слугъ своихъ на село Дороготечь и на дворъ въ немъ бывшій, все имущество его движимое забрали, а потомъ утромъ 18-го числа насильственно отняли имѣніе Дороготечь съ дворомъ, съ людьми и всѣми пожитками, къ церкви замка Несухоѣжскаго поповства его принадлежащими, и съ церковью и со всѣмъ серебромъ въ ней находившимся“ (Ib. № 416).

Изъ донесенія вознаго о вводѣ Рафаила Ленчинскаго, воеводы Белзскаго, и князя Александра Александровича Пронскаго, каштеляна Троцкаго, во владѣніе Мелецкимъ монастыремъ „заложеня св. Николы“ отъ 14 августа 1621 г. видно, что дѣтьми воеводины Подлясской княжны Александры Сангушковны и ея мужа Януша Заславскаго были Александръ, воевода Браславскій, и Юрій, воевода Волынскій, княжата зъ Острога Жаславское, братья рожоные“. Эта Александра дѣлилась съ сестрою своею родною Федорою Сангушковною, панею Троцкою, „всими маетностями по брате своимъ рожономъ, княжати его милости Романе Романовичу Санъкгушку, воеводичу Браславскому, безъ потомное съ того света зошломъ, позосталымъ“. — По раздѣлу монастырь Мелецкій съ принадлежностями достался Александрѣ, а отъ нея перешелъ къ воеводинѣ Белзской Ганнѣ Ленчинской изъ Лешна и Александру Пронскому (Арх. Ю. З. Р. ч. 1, т. VI, № 202). Въ инвентарѣ монастыря Мелецкаго отъ 3 апрѣля 1593 г., пояснено, что каштелянъ Троцкій Александръ Пронскій, его жена Федора Романовна, урожденная Сангушковна—князь Янушъ Заславскій, воевода Подлясскій и жена его Александра Романовна, урожденная Сангушковна, раздѣляя наслѣдственное имѣніе, подтвердили фундушевую запись на Мелецкій монастырь своего предка Федора Андреевича, объявивъ имѣнія монастыря нераздѣльными и неприкосновенными, удержавъ за собою лишь право избирать архимандрита или игумена и обязавшись защищать монастырь отъ всякихъ обидъ (Иванишевъ. Собр. Соч. 305, 306). Мелецкое и Несухоѣжское имѣнія оставались въ родѣ Сангушковъ до измѣны ихъ православію. Въ 1631 г. Адамъ Григорьевичъ Сангушко Кошерскій продалъ ихъ королевичу Александру вмѣстѣ съ имѣніями Каменскимъ и Стобуховскимъ (Metr. Kor. 179, f. 176).

Изложивъ свой взглядъ по темному донынѣ вопросу о пропсхожденіи князей Сангушковъ и доводя ихъ генеалогію до половины XVII в., до того времени, когда многіе изъ нихъ перестали „праотецкимъ стопамъ вослѣдовати“, перестали „прилагаться ко отцомъ своимъ и дѣдомъ“, въ монастыряхъ Кіево-Печерскомъ, Мелецкомъ и др., считаю задачу свою выполненною.

А. В. Лонгиновъ.

Родъ князей Сангушковъ (Сенкушковъ).

Федоръ-Любартъ Ольгердовичъ.

Сангушко (Сенкушко).

Александръ | Василій | Иванъ | Михаилъ

Михаилъ | Андрей | Ялушъ | Василій.

Андрей. Пелагія. Настасья. | Романъ. Федоръ. Марія. Федія. Анна. Олена. | Григорій. Анна. Магдалина. Марина.

Александръ. Анна. Василиса. | Романъ. Димитрій. Андрей. Ярославъ. Федора. Марина. | Андрей. Федора.

Левъ. | Романъ. Федоръ. Александра. Федора. | Семенъ.

Григорій.

Родственныя связи русскихъ князей съ угорскимъ королевскимъ домомъ.

Брачныя связи князей и княженъ русскихъ съ угорскимъ королевскимъ домомъ возникли не позднѣе половины X вѣка. Полагаю, что праправнукъ перваго извѣстнаго правителя Угріи, потомка умершаго въ 445 г. Аттилы, Альма, сынъ Токсуна (931—972) Михаилъ женился на русской княжнѣ. По Іоакимовской лѣтописи, заподозрѣнной Карамзинымъ въ подлинности [1]), Святославъ 1-й былъ женатъ на дочери угорскаго короля. Татищевъ, подъ 967 г., выражается словами лѣтописи, что Святославъ, поселившись въ Переяславцѣ (на Дунаѣ), „имѣлъ съ угры *любовь* и согласіе твердо“. Съ королемъ Угріи Стефаномъ Святымъ, племянникомъ Мечислава 1-го польскаго, по свидѣтельству нашихъ лѣтописей, Владиміръ Святославичъ жилъ въ мирѣ и *любви* (996 г.). Думаю, что и тамъ, и здѣсь идетъ рѣчь о любви *сватьства*, какъ обыкновенно характеризуются лѣтописью переговоры родителей относительно сближенія ихъ дѣтей посредствомъ обычныхъ обрядовъ брачнаго союза (слюбъ) [2]). По одному утраченному списку лѣтописи Татищевъ разсказываетъ, въ развитіе, быть можетъ, извѣстія Никоновскаго свода, о приходѣ къ Владиміру пословъ чешскихъ и угорскихъ 1004 г., что „пришли къ Владиміру св. послы Болеслава Ляцкаго; съ нимъ же быша послы чешскіе и *угорскіе*, о мирѣ и *любви* просиша кійждо дщедри его; онъ же обѣща Болеславу дать за чешскаго большую, а за *угорскаго другую*, которую вельми любилъ, и обѣщалъ весною съѣхаться во Вла-

---

[1]) Ист. Госуд. Рос,. т. I, пр. 396.

[2]) Напр. Святославъ Всеволодовичъ съ Рюрикомъ Ростиславичемъ „живяста у *любви и сватьствомъ обуемшеся*“. „Ѣхалъ бѣ Данило князь ко королевиѣво Угры, хотя имѣти съ нимъ *любовь сватьства* и не бы *любови* межи има“ (Ипат. 422 и 523).

димірѣ городѣ на Волынѣ“ (т. II, стр. 91). Распространенная русская лѣтопись сохранила отрывочныя преданія о св. Стефанѣ. Повѣствуя о принятіи крещенія двумя угорскими князьями въ Царьградѣ [1]), она такъ восхваляетъ св. Стефана: „Одинъ отъ князей сихъ, Стефанъ именемъ, отъиде къ Господу, много добра дѣла сотворивъ“. (П. С. Р. Л. т. IX, стр. 70). Онъ погибъ на охотѣ за дикимъ вепремъ. Въ 1152 г. король Гейза II говорилъ Изяславу Мстиславичу, послѣ отказа послѣдняго принудить Володимерка Галицкаго къ крестному цѣлованію: „сий хрестъ есть, на немъ же Христосъ Богъ своею волею въсхотѣ пригвоздитися его же Богъ привелъ по своей волн къ *святому Стефану*“ (Ипат. 312, ср. 318). Принятіе Стефаномъ угорскимъ христіанства по греческому обряду удостовѣряется въ другомъ мѣстѣ Никоновскаго свода (подъ 1248 г.):—„Бѣху Угры въ православіи преже, понеже святое крещеніе пріяли отъ *грекъ*“. (П. С. Р. Л. т. X, стр. 135). Ссылаюсь на это въ дополненіе къ фактамъ, приведеннымъ А. Петрушевичемъ для доказательства того, что въ угорскомъ королевствѣ до конца XII в. (вѣрнѣе XI в.) еще не было монаховъ латинскаго обряда и что греко-словенскій обрядъ не былъ чуждъ св. Стефану (Введ. христ. въ предкарп. странахъ, 8).—Вотъ что пишетъ Катона въ своей Historia pragmatica Hungariae, 1782 г.: — „Erat... primus Hungariae episcopus Hierotheus (Іерофей) Hungaris ab ecclesia *graeca* datus“ (стр. 111). По обстоятельномъ разборѣ иностранныхъ извѣстій, А. Небосклоновъ пришелъ къ выводу, что Стефанъ былъ перекрещенъ Войтѣхомъ въ 996 г., въ возрастѣ около 25 лѣтъ, тогда какъ несомнѣнно, что Стефанъ былъ крещенъ и тотчасъ по рожденіи (Нач. борьбы славянъ съ нѣмцами, стр. 127). Хотя грамотой папы Сильвестра II на имя св. Стефана, отъ 999 г., при которой посланы были ему корона и крестъ, Угрія и причята подъ покровительство римской церкви (Katona, 169), хотя, по выраженію Татищева, Стефанъ былъ прельщенъ папою въ латинскую вѣру (т. II, стр. 91), конечно посредствомъ „разрушившаго православную вѣру и отвергнувшаго русскую грамоту“ (житіе Кирилла) второго пражскаго епископа Войтѣха, — но еще въ 1002 г. Стефанъ св., упоминая о начатой его отцомъ Гейзою 1-мъ постройкѣ монастыря „in monte supra Pannoniam sito“, а равно о церкви св. Михаила, воздвигнутой не иначе какъ подъ вліяніемъ проповѣди св. Меѳодія въ Панноніи, а затѣмъ епископа Іерофея около 940 г., предоставлялъ монахамъ свободно выбирать настоятеля съ тѣмъ, чтобы онъ посвящался какимъ

---

[1]) Никонов. подъ 1015 г. Вѣроятно преданіе разумѣетъ относимое имъ, впрочемъ, къ болѣе позднему времени крещеніе въ Константинополѣ: 1) царя Гушновъ Грода, при Юстиніанѣ въ VI в., о чемъ свидѣтельствуетъ Анастасій библіотекарь, и 2) гуннскаго царя, не извѣстнаго по имени, со всѣмъ семействомъ и слугами, при импер. Ираклiѣ въ VII вѣкѣ. Script. Hist. Bysant. Anastas. biblioth., также и Nicephor. Въ началѣ X в. Гунны и Авары смѣшались съ Мадьярами въ Дакіи и Паннонiи.

угодно епископомъ (Katona, 183). О широкомъ распространеніи въ Угріи греческаго обряда есть свидѣтельства и болѣе позднія, чѣмъ приведенныя А. Петрушевичемъ. Напр. въ 1229 г. папа Гонорій поручилъ епископу Егидію славянъ и грековъ, живущихъ въ области, назыв. „ulterior Sermia“, обратить въ латинство (Theiner. Mon. Hist. Hung. I, № 159). Въ XIII в., наряду съ древнѣйшими Василіанскими монастырями, возникло въ Венгріи нѣсколько Бенедиктинскихъ монастырей, изъ коихъ одинъ св. Якова близъ Лейдена, въ Визельбургскомъ округѣ, построенъ 1208 г. братьями Стефаномъ и извѣстнымъ по Ипатской лѣтописи „великимъ дворскымъ“ *Потомъ* (Poth), графами Гедерварскими (Fessler Gesch. Ung. II, стр. 874 и др.), титулующимся въ нѣкоторыхъ грамотахъ какъ „comes de Muson“ (Katona, 707, 767). Въ самомъ Офенѣ былъ греческій монастырь Іоанна Крестителя, построенный Ахтумомъ (Vita s. Gebhardi). По словамъ Небосклонова, въ половинѣ X вѣка число послѣдователей Кирилла и Меѳодія, вопреки всѣмъ варварствамъ венгровъ и нѣмцевъ, было такъ страшно римскому престолу, что онъ счелъ необходимымъ подчинить Моравію и Паннонію въ 948 г. Пассавскому архіепископу (Нач. борьбы слав. съ нѣмц., стр. 128). К. Гротъ справедливо замѣтилъ, что въ папскихъ буллахъ конца XII и XIII в. (собр. Fejer'омъ Cod. dipl. Hung.) есть прямыя указанія не только на многочисленное славянское населеніе въ Колочской діоцезіи, но даже и на существованіе въ ней особаго греческаго епископства (Изъ ист. Угріи и слав. въ XII в., 275, прим. 5). Осязательные слѣды древняго православія, смѣшиваемаго Турочемъ съ язычествомъ и скифскими обрядами, сохранились и въ другихъ діоцезіяхъ Угріи. Какъ на одинъ изъ важнѣйшихъ въ ней памятниковъ православія укажемъ на построенный Литовскихъ княземъ Федоромъ Коріатовичемъ, вытѣсненнымъ изъ своихъ Подольскихъ владѣній въ 1339 г. и принятымъ подъ покровительство короля Людовика, монастырь близъ г. Мукачева, на Чернечей горѣ, во имя св. Николы чудотворца. Въ завѣщаніи его, хранящемся въ государственномъ архивѣ Венгріи, отъ 8 марта 1360 г., онъ говоритъ:—„Мы, Федоръ Коріатовичъ, Божіею милостію герцогъ Мукачевскій... объявляемъ, что... повелѣли мы близъ нашего города Мукачева соорудить и... украсить монастырь св. угодника Николы Чудотворца и освятить оный по уставу и обрядамъ греческой церкви. Въ монастырѣ семъ братіи постановляемъ быть изъ монаховъ русскихъ“. Жалуя монастырю два села Бобовице и Лавки съ доходами и дсятиною отъ полевыхъ плодовъ и виноградниковъ какъ изъ этихъ селъ, такъ и селенія Русскій-конецъ, съ правомъ получать изъ Бобовицъ по шести, изъ Лавокъ по четыре и изъ Русскаго-конца по семи вепрей, на жителей г. Мукачева завѣщатель налагаетъ дань въ пользу монастыря. Въ томъ же монастырѣ повелѣваетъ себя похоронить [1]). Столь

[1]) Fejer. Cod. dipl. Hung. IX, 3, стр. 197. О Федорѣ Коріановичѣ см. Н. Молчановскаго, Очеркъ изв. о Под. землѣ, гдѣ указаны главнѣйшіе источники, и Стадницкаго-

обширное распространеніе греческаго обряда въ Угріи значительно долженствовало облегчить брачныя связи угро-русскія, ибо по правилу Кормчей книги, „иже дщерь благовѣрнаго князя даяти замужъ въ ину страну, идѣ служать опрѣснокы и сквьрнодѣяніемъ отметаються, не достоити и дѣло неподобно правовѣрнымъ се створити своимъ дѣтемъ. Съ чтаніемъ Божественный уставъ и мірскый уставъ тоя же вѣры благовѣрьство повелѣваеть понимати“. (Карамз. Ист. т. II, прим. 158).

Двоюродный братъ св. Стефана Владиславъ Лысый былъ женатъ на близкой родственницѣ св. Владиміра (Туроч. Ср. 11. Шараневичъ: Hypat. Chr., прим. 58).—Ярославъ I-й отдалъ свою дочь Анастасію (Агнмунду) за сына Владислава Лысаго—Андрея: — „Erat haec Nastasia Jaroslai Wladimirowichii filia, a nostris deinde Agmunda dicta“ (Pray. Annal. veter. Hung.). Согласно съ этимъ свидѣтельствуетъ анонимный историкъ Венгріи, что жена Андрея, сына Владислава Лысаго, — „erat filia ducis Ruthenorum“ (Schvandtner. Script. rer. hung. Anonimi hist. 20).—У схоліаста Адама Бременскаго сказано, что одна дочь Ярослава выдана за Гаральда, другая—за Андрея Венгерскаго; отъ этого брака родился Соломонъ; третья—за Генриха Французскаго. Брачными связями до нѣкоторой степени объясняется—почему уже въ началѣ XI в. русскіе князья искали убѣжища въ Угріи. Такъ въ 1015 г. Святославъ Владиміровичъ бѣжалъ въ Угрію отъ Святополка Окаяннаго. Брачныя отношенія дѣлаютъ понятными и появленіе угровъ при дворѣ русскихъ князей, и упроченіе торговыхъ сношеній между Русью и Угріей, откуда привозились серебро и конп въ обмѣнъ на мѣха, воскъ и иные товары. Угорскіе иноходцы иносказательно упоминаются въ Словѣ о полку Игоревѣ [1]).—По Татищеву, внука Андрея Владиславовича и Настасьи Ярославны, дочь ихъ сына Соломона, женатаго на дочери Генриха III Маріи—Юдифи, вышедшей по смерти Соломона за Владислава Германа,—была въ замужествѣ за Ростиславомъ Владиміровичемъ, котораго Татищевъ называетъ княземъ Владиміра и Червена. Послѣ его смерти, отъ отравы,—„княгиня его, увѣдавъ о семъ, хотѣла съ дѣтьми въ Венгры къ *отцу* поѣхать, но Изяславъ, великій князь дѣтей ей не далъ и самой ѣхать воспретилъ“ (т. II, подъ 1065 г.).

Много недоумѣній возбуждало извѣстіе нашихъ лѣтописей подъ 1104 г.:—„Ведена Передъслава, дщи Святополча, во Угры за *королевича*, м. августа въ 21 день“. По моему убѣжденію, дочь Святополка-Михаила Изяславича Предслава выдана не за Коломана (1096—114), бывшаго въ то

Synowie Gedymina I, стр. 143—181. О дальнѣйшей судьбѣ православія въ Венгріи см. Fiedler: Beiträge zur Union Ruthenen in Nordungen. Wien. 1862;—Орлая: Исторія о Карпато-Россахъ. Сѣв. Вѣстн. 1804 г., статьи въ Холмскомъ мѣсяцесловѣ, и др.

[1]) См. мое изслѣдов. о походѣ Игоря Святосл. на половцевъ, стр. 233.

время *королемъ* и состоявшаго по смерти первой своей жены Базиллы, дочери Рогера Сицилійскаго, во второмъ бракѣ съ Ефиміей Владиміровной, вопреки мнѣнію многихъ историковъ, считающихъ второю женою Коломана дочь Святополка: — „Ведоша Володимерьну Офимью въ Угры за *короля* (1112 г.), за два года до смерти Коломана (1114 г.) и за одинъ годъ до смерти Святополка-Михаила и утвержденія отца Ефиміи Владиміра-Мономаха, на вел. княжскомъ столѣ въ Кіевѣ (1113 г.) [1]).—И. Шараневичъ, ссылаясь на Карамзина и иностранные источники, не допускаетъ, чтобы дочь Мономаха могла быть женою Коломана (Hyp. Chr., стр. 21, 108, прим. 121). По моему изслѣдованію, мужемъ Предславы Святополковны былъ несомнѣнно *Владиславъ Коломановичъ*. По Турочу, Коломанъ отъ первой жены имѣлъ сыновей Владислава и Стефана, родившагося 1101 г. и наслѣдовавшаго отцу 1114 г. О смерти Владислава Коломановича у Туроча находимъ такое извѣстіе: — Anno domini 1112 filius regis Colomani mortuus est (N) et rex secundam duxit uxorem de Russia“, которую за невѣрность... „dimisit“. Въ означеніи Турочемъ года смерти Владислава, неизвѣстномъ будто бы Турочу по имени, Катона неосновательно подозрѣваетъ описку и вмѣсто MCXII читаетъ MCVII (Hist. pragm. стр. 481—482). Въ грамотѣ Коломана отъ 1108 г. жителямъ Далмаціи, приведенной Котоной, дѣйствительно упоминается объ одномъ только сынѣ:—„Anno dom. incarn. M. C. VIII mense V die XXV, anno XII regni mei, ego Colomanus... mihi et *filio meo* aut successoribus meis tributarii ne sitis“ (стр. 530), но здѣсь очевидно говорится о старшемъ сынѣ, какъ о наслѣдникѣ престола. Поэтому нельзя выводить изъ грамоты 1108 г., что тогда оставался въ живыхъ одинъ сынъ Коломана—Стефанъ, женатый первымъ бракомъ на Юдифи, дочери Болеслава Кривоустаго, а вторымъ—на дочери Апульскаго князя Роберта Гвискарда. Эта самая Юдифь вышла потомъ замужъ за Мстислава Изяславича и была матерью знаменитаго Романа Галицкаго.—Сопоставляя извѣстіе нашей лѣтописи съ Турочемъ, необходимо придти къ заключенію, что мужемъ Предславы Святополковны былъ никто иной, какъ Владиславъ Коломановичъ, а второй женой Коломана Гейзовича была дочь Мономаха Ефимія. Считая первымъ мужемъ Юдифи Болеславны Стефана Коломановича, я основываю свое мнѣніе на большинствѣ иностранныхъ источниковъ (Длугошъ, Кромеръ, ср. Нарушевича Hist. Nar. Pol. подъ 1108 прим.), хотя нѣкоторые склонны признавать первымъ ея мужемъ брата Стефанова Бориса Коломановича (см. И. Шаранев: Hypat. Chr., стр. 29—31, и др.). Поводъ къ спорамъ объ имени перваго мужа Юдифи подаетъ хроника Го-

---

[1]) Объ Ефиміи, умершей 1139 г. (Ипат. 216), см. между прочимъ В. Васильевскаго, Изъ исторіи Византіи въ XII в. Слав. сб., т. II.

дислава или Богуфала:—„Ista Boleslaus filiam suam de ruthena genitam Colomani regis Hungarorum *filio* matrimonialiter copulavit". Въ другомъ источникѣ: „Boleslaus dedit filiam suam Juditam filio regis Hungariae (Pertz. Monum. Germ. XIX, подъ 1122). Какъ бы ни было, но, по свидѣтельству того же Годислава, Юдифь, по смерти перваго мужа, сочеталась бракомъ съ русскимъ княземъ („cuidam principe Russiae"), т. е. съ Мстиславомъ Изяславичемъ. Мои доказательства заключаются въ слѣдующемъ:—Волынская лѣтопись называетъ жену сына Мстиславова Романа *ятровью* польскаго князя Лешка Бѣлаго. „Лестко не помяну вражды, но съ великою лестью прия *ятровь свою* и дѣтятѣ" (Ипат. 481). Подъ ятровью разумѣлась обыкновенно въ старину жена брата, хотя бы и не родного. По смерти Святополка Михаила Кіяне говорили двоюродному его брату Владиміру Мономаху, убѣждая сѣсть на Кіевскій столъ: „аще не поидеши (Киеву)... „пойдутъ на *ятровь* твою", т. е. жену Святополка (Ипат. 188). „Святославъ *ятровь* свою Игоревую, жену брата, поя со собою" (Ib. 237). Болеславъ Сомовитовичъ (Мазовецкій) „облупи *ятровь* свою, княгиню Кондратовую", т. е. жену брата своего Кондрата Сомовитовича (Ib. 582). Внукъ Владиміра Мономаха Владиміръ Мстиславовичъ называлъ жену двоюроднаго своего брата Владиміра Андреевича *ятровью*.—„Како ти могу, *ятры*, пустити", высказывалъ свое опасеніе Давидъ Ростиславичъ женѣ Владиміра Андреевича, везшаго въ Кіевѣ тѣло своего мужа (Ib. 374). Мстиславъ Даниловичъ обращался къ женѣ двоюроднаго брата своего Владиміра Васильковича какъ къ *ятрови* (Ib. 595). Далѣе, весьма важно, что сынъ Болеслава Кривоустаго, женатаго первымъ бракомъ на дочери Святополка Изяславича Сбыславѣ (Ип. 182), Мечиславъ или Межко Старый приходился *уемъ* Роману Мстиславичу. Въ 1188 г. вслѣдствіе сопротивленія, оказаннаго Роману братомъ Всеволодомъ Мстиславичемъ, возвратить г. Владиміръ, Романъ рѣшился взять Владиміръ силою, для чего пригласилъ на помощь себѣ Межка: „Романъ же бяшетъ пришелъ съ ляхы на брата *съ Межъко, уемъ своимъ*" (Ib. 445). Значитъ, Межко приходился Роману дядей по матери Романа, и мать Романа, жена Мстислава Изяславича, была родная сестра Межки. Богуфалъ, сказавъ, что Казиміръ Справедливый, женатый, какъ извѣстно, на дочери упомянутаго Всеволода Мстиславича Еленѣ [1]), отдалъ Галицкое княжество Роману, *сыну своей сестры* отъ второго брака, вполнѣ точно назвалъ Казиміра Справедливаго дядей Романа по матери—

---

[1]) Такъ она зовется въ Rocznik'ѣ Великопольскомъ. Mon. Pol. Hist. т. III, стр. 32, 39 и др. Въ грамотѣ Казиміра Справедливаго Краковской каѳедрѣ отъ 1189 г. сказано: „Sub testimonio ejusdem ducis *uxoris Helenae*... T. Czackl o litewsk. i polsk. praw., изданіе 1861 г., стр. 271, прим. 2.—Въ другомъ источникѣ читаемъ: Kazimirus dux et *uxor eius Helena* cum duobus filiis Lescone et Conrado (Cog. dipl. Malop, II).

avunculus“ (Monum. Pol. Hist., II, стр. 535 и 542).—И такъ мы приходимъ къ неопровержимому выводу, что Романъ Мстиславичъ—*двоюродный братъ* Лешка Бѣлаго, по выраженію Кадлубка, „secundo consanguinitatis gradu“ (Mon. Pol. Hist. II, 408),—въ виду чего лѣтописецъ нашъ имѣлъ полное право назвать супругу Романа ятровью Лешка Бѣлаго.

На основаніи одной грамоты св. Владислава, помѣщенной у Fejer'a (Cod dipl. Hung. I, 459—470), гдѣ въ числѣ свидѣтелей, вмѣстѣ съ роднымъ его братомъ Ламбертомъ, двоюроднымъ его братомъ (consobrinus) Давидомъ, конечно Андреевичемъ, упомянутъ Gerazclaus filius regis Ruthenorum gener ipsius (т. е. св. Владислава), И. А. Линниченко заключаетъ, что Ярославъ Святополковичъ былъ женатъ на *дочери* Владислава Венгерскаго,—(Взаимн. отнош. Руси и Польши, къ стр. 144), но Ярославъ могъ быть названъ зятемъ Владислава св. и потому, что состоялъ въ бракѣ съ его *сестрою*.—Притомъ крайне сомнительно, чтобы зятемъ Владислава св. (1077—1095) былъ Ярославъ Святополковичъ, женатый съ 1112 г. на внукѣ Владиміра Мономаха (Ипат. 196). Скорѣе въ грамотѣ названъ Ярославъ Ярополковичъ, о которомъ лѣтопись, быть можетъ, такъ мало и повѣствуетъ по причинѣ долговременнаго пребыванія его въ Угріи. Не имѣя намѣренія перечислять *всѣ* подобныя документальныя указанія на брачныя связи русскихъ князей и княженъ съ угорскимъ королевскимъ домомъ, вообще мало изслѣдованныя,—остановлюсь на отношеніяхъ Гейзы II къ Изяславу Мстиславичу, возбуждающихъ сомнѣнія даже у И. Шараневича, который затрудняется рѣшить—на комъ былъ женатъ Гейза II (Ср. Ист. Гал.—Влад. княж., 40, Hyp. Chr., 17 и 18 Изслѣдов. по отеч. истор. и географ. 34).

Хотя уже въ родословныхъ таблицахъ, составленныхъ Карамзинымъ и Строевымъ, жена Гейзы Евфросинья, согласно въ существѣ съ извѣстіемъ Татищева подъ 1130 г. объ отдачѣ Мстиславомъ дочери своей за королевича венгерскаго Гиса,—показана сестрою Изяслава (роспись IV), но колебаніе Шараневича побуждаетъ меня къ пересмотру этого интереснаго предмета, тѣмъ болѣе необходимому, что донынѣ никому изъ историковъ не удалось раскрыть ту генеалогическую связь, въ силу которой угорскій король Андрей II приходился *братомъ* Роману Мстиславичу, а жена послѣдняго называется лѣтописцемъ *ятровью* перваго:—„. . .по смерти Романовѣ снимался король со *ятровью* своею во Саноцѣ“. . (Ипат. лѣт. изд. 1871 г. стр. 480). „Приде король въ Галичь и приведе *ятровь* свою великую княгиню Романовую “. . . (Ib. стр. 487). „Король же Андрѣй не забы любви своея первыя, иже имѣяше ко *брату* си великому князю Романови“. . . (Ib. стр. 486).—Въ одномъ мѣстѣ лѣтописи подъ 1150 г., при разсказѣ о женитьбѣ Владиміра Мстиславича на дочери бана Хорватскаго, брата матери Гейзы II Елены, супруги Белы II Слѣпого, и Сербскаго великаго жу-

пана Уроша Младшаго, „королева уя“ (Лавр. подъ 1144) [1]),—жена Гейзы II весьма опредѣленно зовется сестрою Изяслава и Владиміра Мстиславичей, а мать Изяслава и Владиміра—тещею Гейзы II-го: „Изяславъ, сгадавъ съ зятемъ своимъ королемъ и съ *сестрою* своею королевою“. . . „Король великую честь створи ему (Владиміру Мстиславичу) и *сестръ* его и отпусти и къ брату своему Изяславу“, . . „Король Володиміру (Мстиславичу) рече: отцю моему [2]) и своему брату поклонишися Изяславу“.— „Король вда много имѣнія *тещѣ* своей“, послѣ того какъ Владиміръ Мстиславичъ „пусти матерь свою (жену Мстислава Владиміровича, мать жены Гейзы) Мстиславлю въ угры ко королеви *зятеви* своему“ (Ипат. 283, 332). Доказательствомъ брака Гейзы съ дочерью Мстислава Владимировича служитъ и то, что сыновья его Изяславъ и Владиміръ Мстиславичи называли Гейзу *зятемъ* (Ib. 284, 332. 333 и др.), а Гейза называлъ Владиміра Мстиславича *шуриномъ*: „Король. . .Володимера *шюрина* своего поя съ собою въ Угры“ (Ib. 282). Драгоцѣнности, данныя королемъ тещѣ своей, были отняты у нея Мстиславомъ Изяславичемъ, во время враждебныхъ дѣйствій его противъ стрыя своего Владиміра Мстиславича 1156. „Мстиславъ Изяславичъ ѣха изъѣздомъ на стрыя своего на Володимира Володимирю, и я жену его и *матерь* его, и всадивъ я на возы везе я Лучьску посла, а стрый его Володимеръ утече Перемышлю, а дружину его изгради и *товаръ весь отъя, иже бѣ принесла изъ Угоръ Мстиславляя*“ (Ib. 333). Въ послѣдній разъ упоминаетъ лѣтопись о тещѣ Гейзы подъ 1169 г.—Когда Владиміръ Мстиславичъ пошелъ изъ Треполя къ Вышегороду, то туда же отправилась и Мьстиславляя, мати его“ (Ib. 365). Въ грамотѣ короля Белы III 1193 г. говорится о пожертвованіяхъ *матери его Ефросиньи* на одну церковь, ею построенную въ Угріи (Katona Hist. pragm. 690) Прай относитъ бракъ Гейзы съ дочерью Мстислава великаго, ошибочно названнаго Мстиславомъ, къ 1148 г. (Annal reg Hung.), что представляется вполнѣ достовѣрнымъ. Такъ какъ Романъ Мстиславичъ—внукъ Изяслава Мстиславича, а Андрей II—внукъ Гейзы II и сестры Изяслава, то Романъ приходился Андрею II-му *троюроднымъ братомъ*, а жена Романа приходилась *ятровью* Андрею II-му. . .—Только бракомъ Гейзы съ сестрою Изяслава Мстиславича Ефросиньей я и могу объяснить братскія отношенія Мстислава Мстиславича Удалого къ Лешку Бѣлому, который, при обращеніи къ нему въ 1212 г. за помощью, послалъ ему сказать въ Новгородъ: „*братъ ми еси*, поиди и сяди въ Галичѣ“ (Ипат. 489). Мстиславъ Удалой былъ также *троюродный братъ* Лешка.

---

[1]) Объ этомъ см. К. Грота: Изъ исторіи Угріи и славянъ въ XII в., стр. 33, 39, 40, 43, 298.

[2]) Гейза принялъ Изяслава, по обычаю, „въ отца мѣсто“.

Судьбы дочери Андрея II Елисаветы Волынская лѣтопись коснулась, кажется, только потому, что Елисавета еще ребенкомъ предназначалась въ супруги малолѣтнему тогда Даніилу Романовичу. „Король Андрей хотяше дати дщерь свою за князя Данила, обѣима дѣтскома бывшима, зане сына у него не бѣ“ (Ип. 484). Однако по настоянію брата, первая жена Андрея II Гертруда, убитая 1212 или 1213. въ Галичѣ [1]), отдала дочь Елисавету за ландграфовича, т. е. сына ландграфа Тюрингенскаго Людвига: „Да дщерь свою за лопокрабовича за Людовика. . .юже нынѣ святу нарѣчають именемъ Алжъбитъ, преднее бо имя ей Кинека“ (Ib.) [2]). Извѣстенъ еще другой предполагавшійся, но, повидимому, несостоявшійся бракъ:— дочери Ярослава Владимірковича Осмомысла Галицкаго съ сыномъ Гейзы II Стефаномъ III-мъ. „Едвали-ль можетъ быть сомнѣніе“, говоритъ К. Гротъ, что около 1158 была заведена рѣчь о бракѣ короля угорскаго съ дочерью князя Ярослава Галицкаго и тогда же совершена помолвка“ (Изъ ист. Угріи, 303). Письмо по этому поводу имп. Мануила къ Ярославу помѣщено и у Катоны:—. . . „scias igitur, dum filiam tuam Hungariae regi uxorem tradis, illam te iungere viro maligno animoque valde instabili. . .Proinde „neque filiam tuam ducet Stephanus“. . . и. т. д. (Hist. pragm. Hung. 617) [3]).

Угро-русская „любовь сватьства“ по заключенію брачныхъ союзовъ достигла наибольшей степени при сынѣ Андрея II Белѣ IV (1235—1270), женатомъ на дочери Федора Ласкариса и Анны Комненъ Маріи. Въ 1254 г. король угорскій „посла къ Данилови рекый: *ужика* (т. е. родственникъ) ми и *сватъ* еси, помози ми на Чехы“... Близкія родственныя отношенія усложнились бракомъ Лешка Бѣлаго съ дочерью Ингваря Ярославича Луцкаго Гримиславой. Волынскій лѣтописецъ, сказавъ подъ 1204 г. о взятіи Лешкомъ въ замужество дочери Ингваря, когда Ингварь сидѣлъ во Владимірѣ:—„ноя у него Лестько дщерь“ (Ипат. 482), не объявляетъ ея имени, но оно раскрывается изъ многихъ актовъ. Rocznik Traski относитъ бракъ къ 1202 г.:—Dux Lestco successit in Cracovia, qui accepit uxorem de Russia nomine *Grimislavam* de qua genuit Salomeam... et filium nomine Bolezlaum“ (Mon. Pol. т. II, 836). Въ грамотѣ Гримиславы 1231 г. помѣщенъ свидѣтель „Pacoslaus filius Lassote“, тотъ самый, котораго Лешекъ Бѣлый посылалъ къ королю Андрею для переговоровъ о бракѣ Саломеи съ Коломаномъ:—„Лестько же посла посла своего *Лъсътича* и *Пакослава* [4]) воеводу

---

[1]) Банкбаномъ изъ рода Боръ (Турочъ). — „Regina Ungarorum, sponso expeditionem contra Ruthenos movente, a comite quoddam *Petro* trucidatur (Annal. Rudberti Salisburg. подъ 1213 г. Pertz: Monum. Germ. XI, 780. См. Ипат. подъ 1210 г. и разборъ обстоятельный у Шараневича въ Hyp. Chron.

[2]) Елисавета умерла 1226 г. (Roczn. Sędziwoja)..

[3]) Сравн. Cinnamus (Stritter, т. II, ч. 2, 1020).

[4]) Т. е. Лѣсотича *онъ же* Пакославъ. Точно также въ извѣстіи подъ 1227: „Лестько (Бѣлый) убьенъ бысть великый князь лядьскый; на сомнѣ убьенъ бысть Свято-

рекый:... пойми дщерь мою за сына своего Коломана и посади и въ Галичи. Улюби же король Андрей съвѣтъ ось Пакославль и сняся съ Лестькомъ въ Зънижи и поя дщерь его за сына си“... (Ипат. 489). Этотъ Пакославъ пособлялъ Даніилу Романовичу при осадѣ Калима (Ib. 565). Въ другой грамотѣ Гримиславы, отъ 1239 г., Пакославъ Ласотичъ „comes“ выступаетъ въ роли палатина Сандомірскаго. Здѣсь же говорится о бракѣ дочери Белы IV Кунегунды (Кинги) съ сыномъ Гримиславы Болеславомъ Стыдливымъ „cum apportata esset filia Belle regis Hungarie nostro filio Boleslao in uxorem“.—Грамоты Болеслава Стыдливаго проникнуты чувствомъ глубокаго уваженія къ своей матери: — „Boleslaus dux Sudomiriensis... de consensu et voluntate martis nostre“ (1234).—„Dux Boleslaus Cracoviae et Sandomiriae una cum *carissima* matre mea domina Grimislava“ (1244—1245).—Boleslaus una cum *dilecta* matre nostra domina Grimislava ac etiam carissima nostra conjuge domina Cunegunda filia superillustris regis Hungarum“ (1255). Въ фундушевой грамотѣ 1257 г. монастырю св. Клары въ Завихостѣ, когда Саломея состояла уже его аббатиссой, Болеславъ также ссылается на родительницу свою Гримиславу. Послѣднія грамоты съ упоминаніемъ о Гримиславѣ относятся къ 1262. За нѣсколько лѣтъ до этого времени она умерла [1]). Распространяюсь о Гримиславѣ между прочимъ потому, что И. Шараневичъ привелъ только два касающихся ея документа, свидѣтельствующихъ одинъ о русскомъ ея происхожденіи, другой—объ участіи ея въ сооруженіи часовни св. Даміана въ Завихостѣ. (O rezult. poszukiwa archeolog. w okolicy Halicza, стр. 49 прим.).—Въ силу брака родного брата Белы IV Коломана съ дочерью Лешка Бѣлаго Саломеей, послѣдній называлъ Коломана зятемъ: Въ 1213 г. „Лестко посла ко королеви (сказать):—не хочю части въ Галичи, но дай его *зяти* моему“ (Ипат. 490), т. е. Коломану Андреевичу.

Вліяніе родственныхъ связей на дѣла политическія въ XIII в. рельефно обрисовывается словами лѣтописца: Даніилъ Романовичъ, давъ венгерскому королю, въ качествѣ его родственника и свояка, обѣщаніе оказать ему помощь на чеховъ, съ своей стороны обратился къ Болеславу Стыдливому съ просьбою помочь ему пройти землю Опавскую. Болеславу какъ-то не хотѣлось,—„жена же его помогаше Данилови словесы, бѣ бо дщи короля угорскаго, именемь Кинька“ (Ипат. 545). Подобный же случай имѣлъ мѣсто въ 1251 г. Болеславъ Кондратовичъ Мазовецкій, умирая, около 1249 г., далъ

полкомъ (княземъ Поморскимъ), *Одовичемъ* и *Володиславомъ*“, т. е. Владиславомъ Отовичемъ. См. Нарушевича Hist. подъ 1227 г, — Издатели Ипатской лѣтописи ошибочно полагали, что Одовичъ—отчество Святополка.—И Святополкъ, и Владиславъ принимали участіе въ убійствѣ.

[5]) Cod. dipl. Pol. minoris. I, № 13 и 14—Rzysz. et Muczk. Cod. dipl. Pol. т. I, № 44, 46, III № 13, 23—25, 29, 34, 39, 40. Въ Roczn. Traski подъ 1258 г. отмѣчено: „Ducissa Grimislava Cracovie obiit“.

Мазовецкую землю брату своему Сомовиту „послушавъ князя Данила, бѣ бо братучада его за нимъ (т. е. Болеславомъ), дочь Александрова, именемъ Настасья [1]), яже посяже потомъ за боярина угорьскаго, именемъ Дмитра“ (Ипат. 538). Укрываясь отъ татаръ, Даніилъ нашелъ убѣжище въ землѣ Мазовецкой у Болеслава Кондратовича, который далъ ему Вышегородъ, на Вислѣ (Ib. 524). Извѣстенъ славный полководецъ короля Андрея, происходившій изъ рода „Ава“, побѣдитель сарациновъ Demether Lepolth. За подвиги противъ татаръ на р. Сайо и въ Далмаціи король Бела даровалъ ему имѣнія въ Барантскомъ округѣ въ 1246 г. Краткую біографію этого Димитрія сообщаетъ Fessler (Die Gesch. der Ungern. т. 2).

Другой братъ Белы IV' Андрей III женился на сестрѣ жены Даніила Романовича Анны, дочери Мстислава Мстиславича Удалого Маріи въ 1226 г.: „Мстиславъ вда дщерь свою меньшую за королевича Андрея и дастъ ему Перемышль“ (Ипат. 499). Судиславъ говорилъ Мстиславу: „Княже! дай дщерь свою *обрученную* за королевича, и дай ему Галичь... Овому же не хотящю дати королевичю, наипаче хотящю дати Даниловi“. (Ib. 500). Объ этомъ бракѣ упоминаютъ папскія буллы.—Изъ пяти дочерей Белы IV' двѣ состояли въ бракѣ съ русскими князьями: Анна за Ростиславомъ Михаиловичемъ, а Констанція за Львомъ Даніловичемъ, о чемъ Бела IV' писалъ папѣ въ 1254, „duas filias nostras duobus ducibus Ruthenorum... tradidimus in uxores“... (Theiner. Mon. Hist Hung. I, № 439), также свидѣтельствуетъ наша лѣтопись:—„Слышавъ же короля Михаилъ вдавъ дщерь его за сына его (Ростислава) и бѣже угры“... „Ростислава разгнаша татарове въ Борку и бѣжа угры и вдасть за нь паки король угорскый дочѣрь свою“ (Ib. 528). Въ грамотѣ, помѣщенной въ нѣкоторхъ сборникахъ и у Timon'a въ Imago Hungariae (cap. XIII) [2]), Бела, излагая подробности Ярославской битвы, предъ которой, по выраженію нашей лѣтописи „Ростиславъ молися *тьстеви своему королеви*, да пошлетъ ему воп на Данила“, (Ипат. 531), называетъ Ростислава своимъ зятемъ: „Laurentium cum carissimo *genero* nostro Ratislao duce Galiciae in partes Russiae“... и т. д. Въ грамотѣ 1262 г. дочь Ростислава Михаиловича называетъ свою мать „venerabilis mater nostra domina Anna de Galatia de Maczov et de Rodna“ [3]).

---

[1]) Мать Болеслава и Сомовита Кондратовичей—*Агафія*. Въ грамотѣ Чирвенскому монастырю, 1221. Кондратъ Казимировичъ объявляетъ, что она дана отъ имени его самого, жены Агафіи (Ahaphia) и дѣтей Болеслава и Сомовита (Rzysz: et Muczk. Cod. dipl. Polon. I № 14). Хотя нѣкоторые читаютъ Shaphia, что можно бы принять за Софью, но въ разныхъ изданіяхъ грамоты о дарованіи Хелминской земли меченосцамъ жена Кондрата Казиміровича является подъ именемъ „Agafia“.

[2]) Она повторена и у Сярчинскаго: Wiadom. o m. Jsrosl.

[3]) См. Паллацкаго статью въ Чт. М. Об. Ист. и Др. 1846 г. и Палаузова: „Ростиславъ Мих., русск. удѣльный князь“ 1851 г.

Бракъ сына Даніилова Льва съ дочерью Белы IV. Констанціей довольно обстоятельно разсказанъ Волынскою лѣтописью. Еще до похода Батыя на Польшу ѣздилъ Даніилъ Романовичъ къ Угорскому королю сватать сына, но тогда „не бы любови межи има“. Воротиться въ русскую землю Даніилъ побоялся въ виду „множества бѣжащихъ отъ безбожныхъ татаръ“, и, оставивъ сына Льва въ Угріи,—„иде изо Угоръ во Ляхы на *Бардуевъ*, (Ипат. 523), нынѣшнее Бартфельдъ на р. Попрадѣ, какъ я заключаю изъ грамотъ, данныхъ Торпскимъ купцамъ въ XV в., гдѣ указывается торговый путь на Bartfal или *Bardyow*, или Bardfeld. (Martynowsk. Star. Pol. I, вып. 5, стран. 714). Въ 1250 году король угорскій прислалъ сказать Даніилу: „поими дщеръ ми за сына своего Лва“. Лѣтописецъ объясняетъ такое предложеніе боязнью Белы вслѣдствіе удачной поѣздки Даніила къ Батыю, поручившему ему въ правленіе русскую землю, и побѣдой Даніила, одержанной подъ Ярославомъ надъ Уграми и ихъ сторонникомъ Ростиславомъ. Посовѣтовавшись съ братомъ Васильком, Даніилъ не повѣрилъ искренности предложенія короля „древле бо того измѣнилъ бѣ, обѣщавъ дати дщерь свою“, но благодаря посредничеству митрополита Кирилла и по совѣту Василька согласился на бракъ.—„Даніилъ пойде, поемь сына своего Лва и митрополита, иде къ королеви во Изволинъ и поя дщерь его сыну си женѣ“. Отдавъ королю плѣнныхъ бояръ, взятыхъ въ Ярославской битвѣ, онъ заключилъ съ нимъ миръ (Ипат. 537). Имя супруги Льва Даниловича встрѣчается только въ иностранныхъ источникахъ: „*Constantia* filia Mariae et Belae regis Hungariae, conjux Leonis ducis“ (Monum. Pol. IV, 684) „Constantia tradita est Leoni duci Russie“ (Vita s. Kingae). Братъ Кунегунды, Анны и Констанціи Стефанъ V (1270—1272) въ трактатѣ съ Оттокаромъ чешскимъ 1272 г. называетъ Льва Даниловича зятемъ своимъ: „Leonem *generum* nostrum Ruthenorum ducem“ (Theiner. Monum. Hist. Hung. I, № 530). Зятьями называетъ въ томъ договорѣ Стефанъ V также Болеслава Стыдливаго и Болеслава Благочестиваго Калишскаго, мужа младшей дочери Белы IV Елены.

По смерти мужей своихъ сестры Кунегунда и Елена (Jolanta), а Констанція еще при жизни мужа, поступили въ монастырь св. Клары въ Сутечѣ (Sącz), послѣдовавъ примѣру вдовы по Коломанѣ († 1241 г.) Саломеѣ, пребывавшей въ монастыряхъ того же названія въ Завихостѣ и въ Скалѣ до смерти (1269 г.) [1]). Около 1289 г. поступила въ орденъ св.

---

[1]) Rocznik Franciszk. Krakowsk. разсказываетъ, согласно съ другими источниками, объ одновременномъ поступленіи въ монастырь дочерей Белы Іоланты и Кунегунды. Біографическія подробности о Саломеѣ изложены въ „Vita s. Salomeae“, гдѣ между прочимъ сообщается, что Лестко согласился отдать Саломею за Коломана, когда ей было три года.

Клары и вдова по Лешкѣ Казиміровичѣ Черномъ († 1288 г.), дочь Ростислава Михайловича и Анны Аграфена или Грифина:—„Primus filius Casimiri ducis Lestko habens uxorem Grifinam, filiam Roscislai ducis Russiae“ (Mon. Pol. IV, 650). „Grifina... filia ducis Roczislay... et mater Anna“... (Roc zu Francizskanski Krakowski). По Длугошу бракъ состоялся 1265 г., что подтверждается Rocznik'омъ Traski:—„1265 dux Lesko duxit Grifinam uxorem suam“. Очень естественно, что Владиміръ Васильковичъ оплакивалъ смерть Лешка Чернаго, хотя и нерѣдко съ нимъ воевалъ, — ибо приходился ему *двоюроднымъ братомъ* по матери своей Еленѣ, дочери родного дяди Михаила Всеволодовича по браку Казиміровны съ Всеволодомъ Святославичемъ (Ипат. 414 и 524), Кондрата Казиміровича Мазовецкаго, умершаго въ 1247 г.—Въ этомъ самомъ году, вскорѣ по принятіи папою Иннокентіемъ IV западно-русскихъ князей подъ свое покровительство, онъ далъ свою санкцію „Wa(si)lificoni Lodomerie regi“, брату Даніила, на бракъ съ Дубровкой [2]), съ которой, по словамъ буллы, Василько состоялъ въ 3-й степени родства. (Тургеневъ. Hist. Rus. mon., № 76). Утверждая, что Василько Романовичъ былъ женатъ на дочери Кондрата Казиміровича Мазовецкаго,—„иже бѣ славенъ и предобръ“,—(Ипат. 537), я опираюсь на томъ, что, по удостовѣренію Волынскаго лѣтописца, Болеславъ Стыдливый приходился Владиміру Васильковичу *уемъ* (Ib. 580). Слѣдовательно мать Владиміра, жена Василька, была сестра Болеслава Стыдливаго. Такъ какъ послѣдній имѣлъ лишь одну сестру родную—Саломею, то очевидно, что Василько женился на *двоюродной сестрѣ* Болеслава Стыдливаго, дочери Кондрата Мазовецкаго. Въ силу этого брака Болеславъ Стыдливый, родной *сыновецъ* Кондрата, называлъ Василька свояком:—„*свояче*, сонмевѣся“ (Ib. 580 и 571). Оправдывается мой выводъ тѣмъ, что Кондратъ, сынъ Сомовита Мазовецкаго, приходившаго неоднократно на помощь Даніилу „со Мазовшаны“ (Ib. 538, 551), и убитый около 1262 г. (Ib. 565), внукъ Кондрата Казиміровича, и Владиміръ Васильковичъ считаются лѣтописью братьями:—„Володимеръ къ Кондратови брату своему слашетъ“ „Кондратъ присла ко *брату* своему Володимеру“,—„Кондратови живящу со *братомъ* своимъ Володимеромъ заодино“, — „Володимеръ радъ бысть... соромови *брата* своего Кондрата одолѣвъ“,—„Кондратъ князь Сомовитовичъ *братъ* Володимеровъ“, „*братъ* ти, (т. Володимера) приѣхалъ Кондратъ“,—„Кондратъ хотяшеть посѣдѣти со *братомъ*“ (Владиміромъ).—Ольга, жена Владиміра Васильковича называла Кондрата *братомъ* мужа своего (Ib. стр. 580, 581, 582, 584, 596—598). Оказывается, что они были *двоюродные братья*. — Дочь Белы IV Ю-

---

[2]) Наша лѣтопись знаетъ только одно имя жены Васильковой — „Олена“ (Ипат. стр. 570).

ланту я признаю тою самою черницею Оленой, которая проливала слезы надъ гробомъ Владиміра Васильковича вмѣстѣ съ женою и сестрою его Ольгой (Ib. 604).

Представивъ, въ данномъ очеркѣ, главнѣйшія генеалогическія данныя, касающіяся угро-русскихъ отношеній до исхода XIII в., когда умолкаетъ чарующая насъ рѣчь Волынскаго лѣтописца, сдѣлаю еще одно замѣчаніе—по поводу знаменательнаго по своимъ результатамъ сближенія угорскаго королевскаго дома съ половцами чрезъ бракъ королевича Андрея III съ дочерью зятя Котянева Мстислава Удалого Марьей, свестью Данила Романовича по женѣ Аннѣ:—„Льстивому Жирославу рекшю къ бояромъ Галичкимъ, яко идеть Мьстиславъ въ поле и хощеть вы предати *тестеви* своему Котяню на избитье“ (Ипат. 498). Даніилъ обращался къ Котяню какъ къ отцу:—„*Отче*, измяти войну сю, прими мя въ любовь собѣ“ (Ib. 503). Предъ Калкской битвой „иде Котякъ къ *зятю* своему ко князю Мстиславу Мстиславичу Галичскому и принесе дары многи“ (Никон. подъ 1225 г.). Нельзя достаточно оцѣнить извѣстіе лѣтописца о бракѣ Мстислава Удалого съ дочерью Котяна. Оно подрываетъ въ самомъ корнѣ мнѣніе историковъ, энергически поддержанное и развитое И. Шараневичемъ, что Даніилъ Романовичъ *вторично* женился на сестрѣ Литовскихъ князей Товтивила и Едивида, — мнѣніе, основанное на поясненіи Волынской лѣтописи подъ 1252 г., что Даніилъ и Василько не исполнили просьбы Миндовга не чинить имъ милости,—„зане сестра бѣ ею (т. е. ихъ) за Даниломъ“ (Ипат. 541). Стоитъ лишь обратить вниманіе на родственныя связи Миндовга съ Товтивиломъ и Едивидомъ, чтобы убѣдиться въ ошибочности упомянутаго мнѣнія:—„Изгна Миндогъ *сыновца* своего Тевтевила и Едивида, пославшю ему на войну *ею* (т. е. ихъ) съ *вуемъ* своимъ со Выконтомъ на русь воевать ко Смоленску“,... „Тевтевилъ прибѣже во Жемоить ко *вуеви* своему Выкынтови“... (Ib. 541, 543).—Коль скоро и Товтивилъ, и Едивидъ приходились съ одной стороны сыновцами Миндовгу, состоя оба племянниками Выкинта по матери своей, а съ другой—братьями женѣ Даніила, то, очевидно, подъ сестрою Товтивила и Едивида разумѣется *Анна Мстиславна* внука Котяня, дочь котораго, сестра жены Мстислава Мстиславича, была замужемъ за однимъ изъ братьевъ Миндовга.

А. В. Лонгиновъ.

Родословныя росписи.

I.

Мстиславъ Великій Владиміровичъ.

Ростиславъ.	Изяславъ.	Ефросинья (жена Гейза II).
Мстиславъ.	Мстиславъ.	Бела III.
Мстиславъ Удалой.	Романъ.	Андрей II.

II.

Болеславъ III Кривоустый (жена Сбылава Святополковна).				Изяславъ.
Казиміръ Справедливый.	Межко Старый.	Юдифь.	(жена)	Мстиславъ.
Лешекъ Бѣлый.		Романъ.		

III.

	Котянь.			Мотивидъ.	
Мстиславъ Удалой (жена)	дочь.	дочь.	(жена)	сынъ.	Миндовгъ.
Анна.				Товтивилъ. Едивидъ.	

IV.

Казимiръ Справедливый (жена) Елена Всеволодовна.

Лешекъ Бѣлый. Кондратъ.

Болеславъ Стыдливый. Соломея. Василько (жена) Елена. Казимiръ. Болеславъ. Сомовитъ.

Владимiръ. Лешекъ Черный. Кондратъ. Болеславъ.

2007059091